БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

АННА

ПАРИЖЪ
Издательство «Современныя Записки»
"ANNALES CONTEMPORAINES", 106, RUE DE LA TOUR – PARIS
1929

IMP. D'ART VOLTAIRE
:: O. ZELUK, directeur :
34, Rue Richer — PARIS-9

A N N A

ГОСТИ

— Тутъ свинки у меня самыя и есть... я не отказываюсь, потому я къ свиному дѣлу еще какъ малюсеньки былъ, то у насъ около Риги ферма имѣлася. И тутъ завелъ, конечное дѣло.

Матвѣй Мартынычъ пріотворилъ дверь сарайчика. На дворѣ лошадь пріѣзжихъ, въ телѣжкѣ, сонно жевала сѣно. Виднѣлся низенькій домъ, за нимъ садъ. Нѣсколько куръ бродило у входа. Индюшка вяло подняла голову, повернула ее набокъ, закрыла глаза блѣдно - фіолетовыми вѣками и заунывно пискнула. Краснѣла рябина. По осеннему небу медленно шли облака. Матвѣй Мартынычъ вышелъ безъ фуражки — его короткіе густые волосы стояли бобрикомъ, квадратнымъ, крѣпкимъ. Невысокаго роста, онъ былъ такъ широкъ въ плечахъ, что, чтобы войти, повернулся наискось и приглашая Чухаева и Похлёбкина, держалъ волосатую руку на скобѣ двери.

— Все самъ строилъ, чтобы свинкамъ жить удобно, чтобы свинкамъ хорошо, ихъ надо въ чистотѣ держать. Это все у насъ заведено и образовано. Русскіе ничего не понимаютъ, тутъ даже и помѣщики плохенько свинокъ держатъ.

— А это и правда нѣмецкая морда, сказалъ Похлёбкинъ, указывая на розовую, осклизлую піявку съ двумя ноздрями, устремленную нѣсколько ввысь, навстрѣчу вошедшимъ. Бѣлые глазки подъ желтыми рѣсницами имѣли всегдашнее выраженіе: едва пробуждаемой, мутной сонности. Въ хлѣвѣ было тепло. Пахло затхло-кислымъ и острымъ. Нѣсколько поросятъ сосало матку. Ихъ нѣжнорозовѣющія тѣльца, закрытые глазенки со снѣговыми рѣсницами, смутно - сладостное чмоканье, все отзывало первобытно-утробнымъ.

— Это свинья не нѣмецки, это шведская порода, объяснилъ хозяинъ. — Шведская свинка, я люблю ее.

Чухаевъ, довольно плотный, въ гимнастеркѣ и военной фуражкѣ, съ фельдфебельскими рыжеватыми усиками, покровительственно хлопнулъ его по плечу.

— Показывай, Матвѣй Мартыновъ, все безъ утайки. Что у тебя имѣется, мы должны въ самой точности знать. Служба. Ничего не попишешь. Мы волсовѣтъ, а надъ нами уисполкомъ.

Похлёбкинъ, брюнетъ съ длинными усами и не вполнѣ чистымъ лицомъ, бритый, въ обмоткахъ и заломленной фуражкѣ, потянулъ носомъ.

— Разумѣется дѣло, что исполкомъ. Тамъ смотри какіе черти сидятъ. Съ ними шутки плохи.

И Матвѣй Мартынычъ показывалъ все, на совѣсть, шведскихъ свиней и русскихъ, іоркшировъ и беркшировъ, поросятъ и совсѣмъ откормленныхъ, розово - сальныхъ, начинающихъ прозрачнѣть жиромъ, засыпающихъ боровъ — какъ бы просящихся уже подъ ножъ.

Подъ конецъ повелъ онъ гостей въ подвалъ, гордость Мартыновки — на цементѣ и бетонѣ, съ цинковой кры-

шей, глубоко ушедшій въ землю, точно бастіонъ. Тамъ хранился картофель для свиней и жмыхи.

— Оборотистый ты человѣкъ, Матвѣй Мартынычъ, сказалъ Чухаевъ, когда вышли на свѣтъ Божій и корявые пальцы хозяина повернули ключъ въ замкѣ. — Ты вполнѣ основательный. Жилъ - бы въ своей Латвіи да добро наживалъ - бы. Чего ты сюды забрался? Что у насъ, тихая жизнь, что-ли? У насъ, братъ ре-во-лю-ція! Понимаешь? Мы съ Похлёбкинымъ къ тебѣ посланы твоихъ свинуховъ провѣдать, и тебя подъ наблюденіемъ держать, тамъ сколько ты въ совѣтъ долженъ и, скажемъ, въ исполкомъ, и чтобы число твоихъ свиней не превышало... па-анимаешь? — какъ полагается для трудового хозяйства!

Матвѣй Мартынычъ засмѣялся.

— Ничего мнѣ плохо не будетъ, я хорошій латышъ, я со всѣми въ миру, и съ царскими былъ, и съ совѣтскими... я все самъ, своимъ горбомъ нажилъ, и самъ все построилъ... пойдемъ, Иванъ Григорьичъ, закусимъ. У меня настоечка одна очень хорошая, мы будемъ съ грибкомъ пробовать.

Черезъ большой дворъ, за которымъ глухо гудѣлъ осенній вѣтеръ въ рощѣ, направились они къ низенькому, неказистому домику Матвѣя Мартыныча.

— Марточка, вотъ мы пришли. Такъ у тебя готовъ-ли гусь, мы уже немножечко устали, намъ слѣдуетъ подкрѣпиться...

Матвѣй Мартынычъ крикнулъ это изъ темныхъ сѣнецъ въ открытую дверь кухни, гдѣ жарко пылала печь. Отблески огня легко, таинственно лизали полъ, ярко сіяли въ мѣдныхъ кастрюляхъ. Худая женщина, въ озареніи

свѣта, рѣзала на столѣ печенку. Мускулистая ея рука была запачкана кровью.

— Готово, Матвѣй Мартынычъ. — Анна, неси рюмки, обратилась она къ высокой и сильной дѣвушкѣ, перетиравшей посуду.

Матвѣй Мартынычъ провелъ пріѣзжихъ черезъ низенькую горенку въ тоже низкую и темноватую столовую. Столъ подъ грубою скатертью былъ уже накрытъ. Сквозь засиженное мухами оконце все тотъ-же дворъ, все съ той-же лошадью совѣтскихъ. Изъ другой двери выглядывала двуспальная кровать. У стѣнки, подъ портретами какихъ-то латышей въ сюртукахъ, подъ группою, изображавшей пѣвческое общество, стоялъ маленькій столикъ съ засохшей чернильницей, бумагами и старыми накладными. На одной бумажкѣ, на которую мимоходомъ взглянулъ Чухаевъ, было напечатано: «Хуторъ Мартыновка, экономія Матвѣя Гайлиса». Матвѣй Мартынычъ взялъ эту бумажку, не безъ гордости.

— Мой папаша былъ Мартынъ, и онъ меня немножко научилъ трудиться, и мой сынокъ Мартынчикъ, то я въ честь Мартына и назвалъ усадьбу. Конечно, мартемьяновски мужики недовольные, мои сосѣди, потому что прежде это было господина Ушакова имѣньице, и завсегда называлось Мартемьяновка. Но я десять лѣтъ здѣсь живу, и я могу свой духъ заводить.

Анна внесла на подносѣ нѣсколько шестиугольныхъ рюмокъ и два узкихъ блюда съ груздями и рыжиками.

— А вотъ теперь-то и за водочку мы начнемъ, это не то, чтобы самогонъ, отъ котораго глазъ пропадаетъ, это водочка изъ аптечнаго спирта, на корешкѣ, на лимонныхъ корочкахъ . . .

Началась проба. Выпивали «разъ два по третьей и никакихъ шариковъ», «еще по одной и безо всякихъ рябчиковъ» — съ тѣми сладостно-безсмысленными прибаутками, которыя такъ любятъ русскіе пьяницы и картежники. Пили подъ огурчикъ и подъ груздя, подъ гусиный пупокъ. Матвѣй Мартынычъ только фыркалъ, поводилъ щетинистыми бровями. Чухаевъ пилъ ровно. Похлёбкинъ быстро замаслился — завивалъ черный усъ, чаще другихъ обращался къ Аннѣ.

— Вы у насъ рѣдко въ Серебряномъ бываете. А почему? Напримѣръ, тамъ въ Народномъ домѣ даже очень интересно. Ставятся пьесы, ребята танцуютъ. Да и барышни. Даже Немѣшаевы, и Аркадій Иванычъ заходятъ. А я какъ разъ недавно самъ на сценѣ игралъ, въ комедіи Островскаго. Очень смѣялись.

— Въ этотъ разъ не пришлось быть, а вообще бываю, ответила Анна. — И съ Немѣшаевыми встрѣчаюсь, съ Леночкой и Мусенькой . . . и съ Аркадіемъ Ивановичемъ.

Она произнесла эти слова какъ-то полно, но туго, точно-бы вообще отвыкла разговаривать. Темныя и довольно густыя ея брови, близко сходящіяся, давали лицу нѣсколько суровое выраженіе, сквозь которое прорывался однако яркій и тайный блескъ. Каріе глаза глядѣли замкнуто. Врядъ-ли въ нихъ было много откровенности. И даже смугловатый румянецъ на щекахъ не особенно веселилъ. «Дѣвка первый сортъ», безъ словъ, всѣмъ существомъ подумалъ Похлёбкинъ. «Сумрачная дѣвка, а хороша. Откуда ее такую раздобылъ латышъ?».

— Анна Ивановна, вамъ разрѣшите нацѣдить?

— Налейте, сказала Анна, и протянула средней вели-

чины стаканчикъ. На половинѣ его Похлёбкинъ пріостановился. — Не жалѣйте, наливайте полный. Я не опьянѣю.

И открывъ ротъ съ очень бѣлыми, крѣпкими зубами, она медленно выпила все до дна.

— Кушайте гуся, еще по кусочку, вотъ тутъ съ капусткою, говорила гостямъ Марта — ея жилистыя, очень сухія руки мелькали во всѣхъ концахъ стола. Матвѣй Мартынычъ занялся Чухаевымъ. Они сидѣли на уголку и бесѣду вели серьезную.

— Ты, Матвѣй Мартынычъ, то долженъ понять, какое теперь время, говорилъ Чухаевъ вполголоса, медленно и внушительно — онъ былъ сильно уже выпивши, глазки стали красны, но держался, какъ иногда пьяные — еще солиднѣе, чѣмъ трезвый. — Ты позабывать не можешь, что теперь ре-во-лю-ція, какъ я тебѣ уже доложилъ. Погляди на меня. Я второй по зажиточности во всемъ Серебряномъ, у меня и землица, и пчельня, и лошадки, и живность, то - сё другое - третье, да я не дуракъ, чтобы всѣмъ этимъ гусей дразнить. Я, можетъ, и тебя не бѣднѣй, но должонъ — онъ совсѣмъ понизилъ голосъ — себя предъ односельчанами въ аккуратѣ держать. И держу. Все лишнее норовлю спустить — коровенку-ли, лошадь, да и мучку, медъ, все обмѣнять стараюсь . . . ну, а знаешь, иной разъ и пріѣзжему на деньжонки продашь, а потомъ ихъ въ Москвѣ на доллара̀ обмѣняешь . . . Теперь, братъ, не спекульнулъ то и дурень. Ты-же подумай, свиньи-то твои какія . . . Про тебя вся округа знаетъ, что молъ у мартемьяновскаго латыша такія свиньи, что и прежнему времени впору . . . Мой тебѣ пріятельскій совѣтъ, ты какъ нибудь это тово . . . сокращайся, Матвѣй Мартынычъ, ну,

свинушку спустилъ, деньжонки подъ половицу, или въ подвалѣ закопалъ, и шито-крыто...

— Выпьемъ еще, отъ хорошей водочки тольки умнѣй будешь, да ты и такъ умный, я тебя какъ хорошій человѣкъ всегда уважу, говорилъ Матвѣй Мартынычъ. — А я честный латышъ, я противъ новой власти ничего не имѣю, я завсегда готовъ для ней того-другого... Я уже велѣлъ Мартѣ въ телѣжку одинъ окорочекъ подъ сидѣнье — тамъ крышка приподымается — гусей парочку въ корзинку... а твой товарищъ кажется изъ охотой занимается? У меня дробь очень хорошій есть, совершенно прежній дробь, и порохъ для патроновъ... вотъ такъ, эта водочка на особомъ корешкѣ. А за добрый совѣтъ спасибо.

Гусь у Марты оказался знаменитый. Трудно было оторваться. Пріѣзжіе старались на совѣсть. Лица раскраснѣлись, губы и даже щеки лоснились, на черномъ усѣ Похлёбкина такъ и засѣла недоѣденная шкурка. Сквозь два небольшіе-же оконца глядѣлъ со двора угасающій осенній русскій день, когда вечерняя заря не горитъ надъ горизонтомъ, ровны сѣрыя облака на небѣ, бурѣетъ въ полѣ копенка вики неубранной, вѣтеръ треплетъ картофельную ботву, да вдалекѣ одинокій жеребенокъ, тоненькій, длинноногій, призракомъ стоитъ — а вдругъ тонко заржетъ, распуститъ хвостъ и вѣтеркомъ понесется домой. Смутныя сумерки обозначились, когда Анна вышла на дворъ, своею крѣпкою походкой. Взяла ведро, направилась къ колодцу, куда ходила каждый вечеръ. Изъ хлѣвовъ сонно хрюкали свиньи. Куры сидѣли уже на насѣстахъ, гигантскій вязъ хмуро бурѣлъ надъ домикомъ Матвѣя Мартыныча. Анна шла, слегка опустивъ голову, нагруженная своимъ одиночествомъ. Тайно, сладостно бы-

ло на сердцѣ. Удивительно чувство укрытости. Пусть тамъ допиваютъ водку и заѣдаютъ ее мятными пряниками, тотъ міръ ушелъ, начался новый. Въ немъ нѣкоторые слова, предметы, дни, звуки, имѣютъ магическое значеніе. Одно изъ такихъ магическихъ словъ она выпустила сегодня на волю, оно странно и чудесно, отдалось въ столовой «экономіи Матвѣя Гайлиса», а теперь шло за нею и съ нею, какъ живое существо. Самый звукъ его былъ необыкновененъ.

Въ это время пріѣзжіе грузились въ свою телѣжку. Чухаевъ держался крѣпче, Похлёбкинъ едва двигалъ ногами. Черезъ плечо у него былъ надѣтъ ягдташъ, а на другомъ боку пороховница. Въ рукѣ держалъ мѣшочекъ съ дробью — очень тяжелый и очень для него радостный. Онъ слегка раскачивалъ его и хлопалъ имъ себя по колѣнкѣ. Матвѣй Мартынычъ отвязалъ лошадь, взнуздалъ ее и подалъ возжи уже сидѣвшему Чухаеву. Похлёбкинъ держался за Чухаева, обнявъ его.

— А ты хорошій человѣкъ, Матвѣшка, ты человѣкъ сердечный, хотя и не русскій, — кричалъ Похлёбкинъ. — Я тебя люблю. Я... хочу тебя цѣловать.

Матвѣй Мартынычъ захохоталъ, Чухаевъ тронулъ лошадь.

— Я хорошимъ гостямъ завсегда радъ, говорилъ онъ, идя рядомъ. — А тутъ, Иванъ Григорьичъ, у корзиночкѣ сзади пара лучши гусь. Въ передкѣ — окорочекъ.

Чухаевъ пожалъ ему руку. Тяжелобрюхій конь, конюшни Немѣшаевыхъ, взялъ вялой рысью. Телѣжка пересѣкла большой дворъ, повернула направо по дорогѣ черезъ рощу. Къ ея опушкѣ, гдѣ у канавы, окружавшей прежнее имѣніе Ушакова — нынѣ хуторъ Мартыновку — былъ

колодезь, шла Анна, опустивъ голову, считая шаги. Черезъ каждые пять шаговъ она произносила про себя одно слово. Никто не слыхалъ, никто не зналъ и не могъ даже вообразить, о чемъ она думаетъ. Это доставляло ей таинственную радость.

Телѣжка загремѣла совсѣмъ рядомъ. Чухаевъ слегка пріостановилъ коня.

— Поз-звольте спросить, произнесъ онъ не вполнѣ твердо: тутъ ка-акъ будто лѣтничекъ у васъ есть на Машистово, прямикомъ... ес-ли н'ошибаюсь, налѣво?

Занавѣсъ поднялся, Анна опять оказалась на сценѣ.

— Первый поворотъ, около обгорѣлой ракиты, сказала она.

— Покорнѣйше благодаримъ.

— Если-бы не темнѣло, то можно и не заѣзжая въ Машистово, тамъ есть пѣшеходная тропка, по ней тоже ѣздятъ... прямо бы выѣхали къ Серебряному...

Похлёбкинъ, покачиваясь, замахалъ ей и послалъ воздушный поцѣлуй, Чухаевъ стегнулъ коня и телѣжка вновь загремѣла. Анна опять осталась одна. Она подошла къ колодезному срубу, около котораго была свѣже-натоптана глина, зацѣпила ведро за крючокъ и медленно стала спускать его. Ведро кое-гдѣ толкалось о срубъ, позвякивало, дальше и глуше уходило въ его осклизлую темь, сейчасъ казалось — въ бездну. Потомъ шлепнулось о воду. «Серебряное»... шепнула Анна. «Машистово»... Ведро булькало. Она подождала минуту, потомъ налегла на отяжелѣвшую веревку, стала тащить. Замѣтивъ темный пушокъ на своей рукѣ отъ локтя къ запястью, вспомнила что-то и вновь, улыбнувшись слегка, какъ въ колодезь ушла вся въ свое подземелье.

Темнѣло. Вдалекѣ громыхала еще телѣжка. Анна вытянула ведро, поставила его и присѣла рядомъ на срубленную осинку, отъ которой горько и нѣжно пахло свѣжимъ сокомъ, ободранной корой. «Сейчасъ навѣрно Леночка и Муся играютъ въ карты въ гостиной, а Аркадій Иванычъ по обыкновенію у нихъ, куритъ или играетъ на гитарѣ». Она посидѣла минуту, потомъ встала. Темнота надвигалась. Анна закрыла глаза, выпрямилась, и взявъ ведро, слегка наклоняясь вбокъ отъ его тяжести, пошла домой.

***

— Я очень радъ, что у насъ были эти совѣтски, говорилъ Матвѣй Мартынычъ, отстегивая голубую подтяжку. — Теперича они уѣхали веселы, и Матвѣй Мартыничъ такъ устроитъ, что они будутъ еще веселѣй, Матвѣй Мартыничъ понимаетъ, что иной разъ и свинку не жаль для порядочныхъ людей, хотя, разумѣйтся, они и сволочь, но свинка и-всѣхъ и-дѣлаетъ добрыми . . . ха-ха-ха . . .

Анна убирала остатки ѣды. Въ столовой пахло водкой, гусемъ, скатерть залита была жирнымъ, и воздухъ тусклъ, тоже жиренъ въ слабомъ свѣтѣ висѣвшей надъ столомъ лампы съ коническимъ пламенемъ. Марта, полураздѣтая, возилась въ спальнѣ.

— Мы ихъ хорошо угостили, сказала она. — Матвѣй Мартынычъ, какъ ты нашелъ гуся?

Матвѣй Мартынычъ налилъ себѣ въ столовой воды, икнулъ и жадно выпилъ. Бархатная, темная шерсть курчавилась подъ глубоко разстегнувшимся воротомъ его рубашки.

— Марточка, гусь былъ хорошъ. Анна, ты почему ма-

ло ѣлъ гусь? Ты здоровая дѣвушка, ты и - должна хорошо кушать.

— Я, дядя, довольно съѣла. Правда, гусь отличный.

Матвѣй Мартынычъ положилъ ей на плечо свою четырехугольную руку съ короткими пальцами. Небольшіе глазки его блеснули.

— Хорошій дѣвушка, работай, трудись. Кончится все, я тебя замужъ выдамъ, за солиднаго человѣка, сама хозяйство будешь вести, тебя мужъ будетъ любить.

Онъ нагнулся къ ея уху и вполголоса шепнулъ:

— Ты для мужчины сладкая, какъ гусь съ брусникой.

Анна слегка усмѣхнулась.

— Меня только съѣсть не такъ легко, какъ гуся...

Матвѣй Мартынычъ захохоталъ.

— Матвунчикъ, крикнула изъ спальни Марта. — Иди, взгляни, какъ хорошо спитъ Мартынъ.

Матвѣй Мартынычъ вошелъ въ спальню, гдѣ раздѣвалась жена, гдѣ въ маленькой кроваткѣ спалъ законный, отъ честнаго брака, Мартынчикъ, такой-же здоровый и веселый, какъ онъ самъ, тотъ, для кого вотъ онъ трудится въ потѣ лица и кому — когда «все это» кончится — передастъ годами нажитое, наработанное.

Марта стояла у кроватки. Свѣтъ свѣчи съ комода освѣщалъ мальчика со свѣтлыми волосами, миловиднаго, съ прозрачными, и какъ это бываетъ у спящихъ дѣтей — жалкими вѣками, всегда придающими грустное выраженіе.

— У-у, миленькій Мартынчикъ, сказалъ Матвѣй Мартынычъ, и его квадратное лицо сразу распустилось, стало мягче и влажнѣй. — Какой красавчикъ лежитъ, ты не находишь, Марта?

Марта взяла съ комода свѣчку, чтобы получше освѣтить свое творенiе. Ея худое, довольно красивое лицо съ темными глазами и очень крупными, малиновыми губами, содрогнулось отъ восторга и гордости. Матвѣй Мартынычъ нагнулся, щекоча лобъ ребенка усами, дыша на него перегаромъ выпитаго, и поцѣловалъ въ лобъ. Мальчикъ во снѣ поморщился, потянулся, и стягивая съ себя одѣяло, перевернулся на другой бокъ, обнаживъ плечо. Марта мгновенно укрыла его.

— Хорошо, хорошо, сказала она мужу: Мартынчикъ здоровъ и все въ порядкѣ, но не мѣшай ему своими нѣжностями.

Окончивъ уборку, Анна поднялась наверхъ, въ маленькую комнатку. Вотъ день и конченъ. Она раздѣнется, потушитъ свѣтъ, перекрестится и растянется на скромномъ, жестковатомъ своемъ ложѣ. Сонъ накроетъ ее. Настанетъ таинственный мiръ, въ который мы еженощно — и такъ привычно, безъ ужаса! — погружаемся, какъ дай Богъ погрузиться въ смерть.

На этотъ разъ она не успѣла еще заснуть, какъ на лѣсенкѣ раздались осторожные шаги человѣка въ туфляхъ.

— Анночка, сказалъ негромкiй голосъ, слегка глухой. — Ты уже спишь . . ?

— Нѣтъ. А что?

— Я тебѣ забылъ сказать . . . нужно будетъ у Серебряное съѣздить. Немѣшаевъ просили двухъ поросеночковъ, тамъ они хотятъ выкормить.

— Въ Серебряное . . . когда-же?

— На эти дни, на эти дни . . .

— Завтра?

— Не такъ завтра, какъ придется этой недѣли.

— Зачѣмъ-же ты сейчасъ пришелъ объ этомъ говорить?

Матвѣй Мартынычъ побурчалъ что-то и посопѣлъ.

— Я и-думалъ, ты еще не спишь.

Анна привстала на постели.

— Иди, иди, ступай, выпилъ сегодня много.

Онъ слегка приблизился. Въ темнотѣ она его не видѣла, но найдя его руки, крѣпко взяла ихъ, сжала, шепнула повелительно:

— Ступай.

Въ этихъ ея рукахъ почувствовалъ Матвѣй Мартынычъ такую силу, точно огнемъ прохватило его.

— Я ничего . . . я не подумай, Анночка, ты не тово . . . я тебя рѣдки вижу.

Анна тихо засмѣялась.

— Каждый день.

— Мнѣ не заснулось, я тольки тебя по дѣлу и хотѣлъ видѣть безъ никого.

— Ну вотъ, и иди. А то Марта Богъ знаетъ что подумаетъ. Значитъ, въ Серебряное? Хорошо.

Когда онъ вышелъ и осторожно спустился, Анна притворила дверь, вновь легла. Ее прохватила легкая дрожь. «Вотъ онъ, дядя. Ну, да впрочемъ... ничего плохого онъ мнѣ и не дѣлаетъ».

Все-таки, она нѣсколько разволновалась, заснуть сразу, какъ обычно, не смогла. Въ головѣ вертѣлся весь нынѣшній день, пріѣзжіе, потомъ этотъ странный разговоръ сейчасъ — къ своему удивленію, никакой непріязни къ Матвѣю Мартынычу она не ощущала. «Мишка, медвѣдь...» сонно подумалось. «Косолапый». Но потомъ иныя слова

встали въ мозгу — ѣхать въ Серебряное. «Серебряное, Машистово...» Да, хорошо, вздохнула она какъ-бы со сладкой покорностью. Слеза поползла въ темнотѣ по загорѣлой щекѣ. Матвѣй Мартынычъ, хуторъ, хозяйство — это все пустяки.

Въ сущности, никакимъ дядей Матвѣй Мартынычъ ей не приходился. Отца она вовсе не помнила. Но знала вотчима. Мать плохо жила со вторымъ мужемъ. Анна отъ него не терпѣла, но въ мѣщанскомъ домикѣ средне-русскаго городка, гдѣ мать служила на почтѣ, а вотчимъ мелкимъ страховымъ агентомъ, видѣла и ссоры, и пьянство, и даже драки. Нечѣмъ было-бы ей вспомянуть дѣтство! Да оно и рано кончилось. Мать умерла. Марта, дальняя родственница со стороны матери, тогда только что вышедшая за Гайлиса, взяла ее къ себѣ, увезла подъ Ригу. Тамъ Анна жила и училась, привыкла звать Матвѣя Мартыныча дядей, а Марту тетей — вошла, какъ-то бокомъ, какъ бокомъ жила и въ дѣтствѣ — въ семью. Кончивъ школу, съ ними-же перебралась и сюда, когда Матвѣй Мартыновичъ снялъ хуторъ — не то родственница, не то дочь пріемная, не то прислуга. Она молча работала, молча спала и молча ѣла, и считала, что живетъ такъ — значитъ, иначе и не приходится. Не о чемъ думать, нечего и мудрить. За стѣнами мартемьяновскаго хуторка безконечныя поля, лѣсочки и овраги, деревни, села, города необъятной Россіи. Міръ великъ, недосягаемъ, грозенъ въ мрачной своей силѣ. Вотъ и сейчасъ долгая ночь надъ нимъ. Глухимъ, дочеловѣческимъ гуломъ гудятъ березы по канавѣ за хуторомъ. Спитъ Матвѣй Мартынычъ, и Марта, и Анна, и свиньи въ хлѣвахъ, и индюшки, и куры. Пѣтухъ, тайнымъ зовомъ пробуженный, прокричитъ въ свой часъ ранній,

горькій сигналъ къ свѣту — а еще звѣриная темнота надъ землей. Люди его не услышатъ.

Но въ городкѣ надъ Окой именно вотъ теперь подымается, зажигаетъ свѣтъ въ своей лачужкѣ у рѣки нѣкто Трушка, извѣстный и уважаемый человѣкъ, имѣющій связи и въ у-те-че-ка и въ ор-те-че-ка, какъ ранній утренній пѣтелъ онъ начинаетъ свой день, ибо дѣлъ много, а жизнь коротка, всѣхъ недорѣзанныхъ, правда, не зарѣзать, и всѣхъ неограбленныхъ не ограбить, все-же нельзя лѣниться, ре-во-лю-ція — какое время! Грѣхъ его упустить.

СЕРЕБРЯНОЕ

Анна нѣсколько запоздала. Уже смеркалось, латунная, холодная заря узко лежала вдали, надъ синѣвшими лѣсами. Лошадь плелась рысью. Въ корзинкѣ повизгивали поросята, колеса телѣжки шли по неровной колеѣ, сухія травы ошмурыгивали ихъ. Пахло горько и остро полынью, шлеей, лошадью, прохладою сумрачной осени. Надъ купою парка вздымалась колокольня Серебрянаго — перерѣзала зарю. Анна проѣхала мимо кладбища, мимо канавы стариннаго парка съ голыми липами, гдѣ грачи орали сложно, мучительно, взвиваясь въ небѣ медленными водоворотами, и остановилась подъ елочками у большого бѣлаго дома. Его стеклянное парадное крыльцо было заперто. Анна привязала лошадь, вынула корзинку съ поросятами, и тяжело ступая грубоватыми сапогами, двинулась къ черному входу, гдѣ стояла бочка, бродили утки, валялись отбросы. Въ кухнѣ никого не было. Анна поставила корзинку на полъ, отворила дверь въ корридоръ и почти столкнулась съ черноволосой, черноглазой дѣвушкой въ красной кофтѣ, легкою походкой входившей въ кухню.

— Аня, засмѣялась она: въ платкѣ, высокихъ сапогахъ! Какимъ вы нынче героемъ!

— Я привезла Марьѣ Гавриловнѣ поросятъ, Матвѣй Мартынычъ извиняется, что задержался, все некогда было...

— А-а, Мартыновы поросята... вы тамъ все у себя свиней разводите, ха-ха-ха... — Леночка засмѣялась весело и отъ души, точно разведеніе свиней вообще казалось ей очень смѣшнымъ дѣломъ. Быстрой походкой подошла она къ корзинкѣ и приблизила къ ней каріе, нѣсколько близорукіе глаза.

— Ха-ха, вотъ они, Мартыновы дѣтишки, хрюкалки! Чудные. Ну, пойдемте къ намъ, какъ разъ чай подали.

И Леночка тою-же легкою и беззаботною походкою, поправивъ слегка платокъ, накинутый сверхъ кофты, прошла корридоромъ въ темную и холодную прихожую, изъ нея толкнула дверь въ большую комнату, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ.

— Мама, Аня привезла отъ Мартына поросятъ. Знаешь, тамъ эти мордышоны.

Анна сняла въ передней свиту, сунула въ карманы ея рукавички и нѣсколько угловато вошла въ комнату Марьи Гавриловны, наспѣхъ теперь обращенную въ столовую. Марья Гавриловна, спокойная, кареглазая дама лѣтъ сорока пяти, съ небольшой просѣдью, курила изъ мундштука, и къ извѣстію отнеслась равнодушно.

— А-а, сказала она, и выпустила изо рта потокъ дыма: давно жду. Мы ихъ выкормимъ.

Самоваръ на столѣ сильно клубилъ. Окна начали запотѣвать. Однако, въ два большія, выходившія въ садъ, съ далекимъ видомъ за рѣку, глядѣло умиравшее холодно-

серебряное небо сквозь голубыя ели у балкона — ели рѣдкостныя, калифорнійскія. Спиною къ зарѣ сидѣлъ за столомъ высокій человѣкъ въ поддевкѣ, съ длинными усами. Рядомъ съ нимъ Муся и барышня съ колечкомъ зачесанными на щеки прядями.

Сердце Анны привычно похолодѣло, она молча поздоровалась со всѣми, сѣла къ Марьѣ Гавриловнѣ. Но блѣдный, серебристо-синѣющій свѣтъ зари, удивительныя колечки на щекахъ барышни и крупное, какъ показалось ей, равнодушное рукопожатье Аркадія Ивановича вдругъ поразили ее.

... — А вы тамъ все со своими свиньями возитесь, сказала Марья Гавриловна почти дружелюбно. — Вотъ ужъ вашъ дядюшка поразвелъ ... — ха-ха ... Ну, что-жъ онъ съ меня по знакомству, надѣюсь, за поросятъ возьметъ подешевле?

Анна съ ненавистью смотрѣла на свои крѣпкія, красныя руки, отъ которыхъ пахло возжами и дегтемъ. Никто не видѣлъ теперь ея высокихъ сапогъ, но ей казалось, что всѣ только о нихъ и думаютъ.

Леночка подошла сзади къ Аркадію Ивановичу и взяла его за кончики усовъ.

— Аня, посмотрите на размѣры этихъ дворянскихъ усовъ, это у тебя барскіе усы, Аркаша, ха-ха-ха ... а теперь время знаешь какое, теперь насъ вотъ того и гляди отсюда выставятъ. Могутъ сжечь, вообще, что угодно, потому что мы баре.

Аркадій Иванычъ поймалъ руку Леночки и поцѣловалъ около локтя.

— Я, милый другъ, бариномъ жилъ, бариномъ помру, меня поздно передѣлывать. Гдѣ моя гитара? — обратился

онъ къ барышнѣ. — Вы, малютка, кажется ее гдѣ-то въ залѣ оставили?

Онъ поднялся.

— Пока насъ окончательно не доканали, я намѣренъ жить такъ, какъ мнѣ нравится. Зала еще есть — хорошо. Каминъ тамъ топится — прекрасно. Марья Гавриловна, я знаю около трехсотъ романсовъ, главнымъ образомъ цыганщина.

Онъ улыбнулся своимъ темно-загорѣлымъ лицомъ, привычно подкрутилъ усъ, поправилъ кавказскій поясъ, стягивавшій еще приличную талію, и вышелъ съ барышнями въ залу.

«Почему она ко мнѣ обратилась на счетъ его усовъ?» мрачно подумала Анна. «Я-то тутъ при чемъ? Да хоть бы самые раздлинные, какое мнѣ дѣло?»

Въ комнатѣ быстро темнѣло. Папироса хозяйки закраснѣла въ сумеречной мглѣ. Марья Гавриловна говорила привычно и длинно о томъ, сколько ей возни съ птицей, какъ трудно съ совѣтомъ, какъ беззаботны дѣвочки... впрочемъ, и сама она больше курила и философствовала, чѣмъ безпокоилась серьезно.

Да и какъ могло быть иначе? Такой тонъ разъ навсегда былъ заданъ покойнымъ Александромъ Андреичемъ для всей семьи. Александръ Андреевичъ случайно получилъ наслѣдство. Не онъ строилъ этотъ домъ, не онъ разводилъ паркъ и сажалъ подъ балкономъ голубыя ели. Все это свалилось ему съ неба. Но нельзя сказать, чтобы онъ не пользовался полученнымъ. Всегда въ Серебряномъ были гости, шумъ, широкая жизнь. Даже немѣшаевскіе кучера рѣдко бывали трезвы, и немѣшаевскія выѣздныя лошади, въ отличныхъ шарабанахъ и колясках, не разъ но-

сили, выбрасывали сѣдоковъ въ лощинкахъ подъ разными Спицынами, Рытовками и Лунёвками. Александръ Андреичъ любилъ гостей, танцы, музыку, вино, и всего этого было вдоволь. Деньги онъ раздавалъ направо и налѣво. Въ трезвомъ видѣ былъ общителенъ и веселъ, ходилъ лѣтомъ въ длинныхъ чечунчовыхъ пиджакахъ, широчайшихъ коричневыхъ штанахъ и дорогой панамѣ, напоминая президента Фальера. Читалъ «Русскія Вѣдомости» и путано, умѣренно-свободомысленно говорилъ о политикѣ. Но выпивъ, становился несдержанно-дерзкимъ. Это мѣшало ему въ земской дѣятельности. Онъ раздражался и еще больше будировалъ.

Грудная жаба во время увела этого виднаго джентльмэна — до революціи онъ не дожилъ. Блюдо досталось Марьѣ Гавриловнѣ и молодежи. Захватъ земли, скота, переходъ на положеніе крестьянъ — ежеминутно могли и вовсе выгнать — все это для другихъ обратилось-бы въ глубокія страданья. Немѣшаевымъ помогала безпечность.

— Большевички забираютъ у насъ все помаленьку и полегоньку, говорила Леночка, и хохотала, и даже находила время слегка кокетничать съ заѣзжими коммунистами. — Скоро насъ загонятъ въ какой-нибудь хлѣвъ... ха-ха-ха...

Марья Гавриловна выражалась осторожнѣе, но тоже смотрѣла — ну, что-же, было богатство, считались первыми въ уѣздѣ — и нѣтъ его, ничего, какъ нибудь проживемъ. И дѣйствительно, жили. Двоюродный братъ Костя, застрявшій у нихъ, основалъ маленькую артель, самъ пахалъ и скородилъ на отведенномъ надѣлѣ, Леночка и Муся тоже работали больше, чѣмъ раньше, но попрежнему хохотали. И когда пріѣзжали оставшіеся сосѣди, играли

въ карты, дурили и танцовали — изъ большого дома ихъ все еще медлили выселять.

Такъ протекалъ и сегодняшній вечеръ. Аркадій Иванычъ въ прежнія времена пріѣзжалъ изъ Машистова, въ двухъ верстахъ, на парѣ въ наборной сбруѣ, съ кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ. Теперь ходилъ пѣшкомъ, но такъ-же держался молодцевато, какъ и въ уѣздномъ городкѣ на земскихъ собраніяхъ, на обѣдахъ у предводителя и за билліардомъ въ гостиницѣ.

Сейчасъ, въ большомъ залѣ немѣшаевскаго дома, сидя на диванѣ, окруженный барышнями, онъ пѣлъ «Въ часъ роковой» — небольшимъ, вѣрнымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, совсѣмъ такъ-же, какъ и тогда, когда чай не пили еще съ сахаромъ въ прикуску, когда не было роскошью мясо и эта зала освѣщалась очень ярко. Важно лишь то, что вокругъ, какъ и прежде, были женщины. Мусю и Леночку онъ зналъ еще дѣтьми. Но заѣзжая ихъ кузина съ колечками волосъ на подрумяненныхъ щекахъ, въ легонькихъ туфелькахъ и шали дѣйствовала освѣжительно.

Когда Анна вошла въ залу, пѣніе уже кончилось. Кузина держала въ своей рукѣ руку Аркадія Иваныча, разсматривала линіи судьбы и улыбаясь, говорила ему что-то.

— Ну, да все равно, отъ себя не уйдешь, сказалъ Аркадій Иванычъ. — Въ благодарность за гаданье разрѣшите вашу ручку.

И онъ поцѣловалъ ея пальцы.

— Анѣ погляди руку, крикнула кузинѣ Леночка. — Вонъ она у насъ какой герой могучій, пожалуйте-ка сюда!

Сапоги Анны довольно явственно отдавались въ залѣ.

Теперь всѣ ихъ дѣйствительно видѣли. Она покраснѣла и спрятала руку.

— Ну, ужъ мнѣ незачѣмъ.

— Отчего же, — сказала кузина ласково. — Я съ удовольствіемъ. Дайте мнѣ вашу руку.

— Нѣтъ, благодарю васъ, такъ рѣшительно отвѣтила Анна, и сѣла рядомъ съ ней на диванъ, слегка скрипнувшій, что та съ нѣкоторымъ даже недоумѣніемъ на нее взглянула. Аркадій Иванычъ опустилъ глаза. Но Леночка захохотала, обняла ее.

— Аня, не мечите молній своими черными глазами, всѣ и такъ знаютъ, что вы прель-стительны... — Женя, обратилась она къ кузинѣ: Аня у насъ тутъ первая львица, несмотря на ея... суровый видъ. Давно замѣчено объ этихъ тихихъ омутахъ...

— Что вы говорите, Леночка, сказала Анна глухо: я просто работница...

— Ну да, однако-же... Леночка взглянула на Аркадія Иваныча и опять засмѣялась.

— Да вотъ у насъ сегодня былъ Похлёбкинъ. Прямо ваше завоеваніе!

Кузина сѣла за рояль, начались танцы. Пріѣхали еще два недорѣзанныхъ помѣщика. Танька накрывала къ ужину, Муся и Леночка танцовали. Прошелся вальсъ и Аркадій Иванычъ, и Костя, и кузина, смѣненная Марьей Гавриловной. Анна-же сидѣла на диванчикѣ упрямо, сумрачно, чувствуя, что давно пора ѣхать и нѣтъ силъ встать. Съ Аркадіемъ Иванычемъ она не сказала ни слова. Раза два

пробовалъ онъ заговаривать съ ней, ничего не вышло. «Ну, опять», подумалъ про себя. Анна отходила теперь отъ него, почти физически онъ ощущалъ въ ней тучу темныхъ, нервно-электрическихъ силъ, противостать которымъ невозможно. Онъ все зналъ заранѣе, но съ какой-то горькой легкостью, будто нарочно, игралъ въ веселость.

Было уже довольно поздно, когда Анна вышла къ лошади. Кто могъ-бы сказать, что она поступила умно, просидѣвъ до полуночи, выѣзжая одна въ черную, вѣтрено-безпросвѣтную ночь? Но она именно такъ поступила, а не иначе — хотя ей и предлагали ночевать.

Лошадь тронулась. Изъ - подъ елокъ со стороны свѣтившагося въ темнотѣ дома выступила высокая фигура съ огонькомъ папироски. Большая рука взялась за крыло телѣжки и знакомый, столь знакомый голосъ сказалъ:

— Подвезешь меня?

— Садитесь.

Огонекъ перемѣстился, теперь онъ былъ нѣсколько выше Анниной головы. Телѣжка накренилась.

Ѣхали дорогой мимо парка, шагомъ. Вѣтеръ гудѣлъ въ липахъ. Иногда вѣтка задѣвала за дугу, слегка хлестала сидѣвшихъ. Огни усадьбы остались сзади. Колокольню церкви нельзя ужъ было разобрать въ кромѣшной тьмѣ. Но кладбище ощутила Анна горькимъ, широкимъ дуновеніемъ.

— Ты все на меня сердишься? спросилъ Аркадій Иванычъ. — Вотъ народецъ-то! Дай мнѣ возжи. А сама хорошенько запахнись, и руки — рукавъ въ рукавъ свиты.

— Вы вольны съ кѣмъ угодно шутить и кого угодно любить.

За свою бурную, многоопытную жизнь Аркадій Иванычъ не разъ слыхалъ эти и подобныя имъ слова. Относиться къ нимъ привыкъ какъ къ неизбѣжному неудобству. Но сейчасъ стало дѣйствительно грустно.

— Аня, повторилъ онъ мягче: да вѣдь что-же ты, правда... ну, я болталъ тамъ, на гитарѣ игралъ... что-же такого? Правда, жизнь сейчасъ невеселая, неужели и похохотать нельзя?

Въ полѣ вѣтеръ задувалъ сильнѣе. Лица Анны нельзя было разсмотрѣть. Но сквозь свое смутное уныніе ясно ощущалъ Аркадій Иванычъ рядомъ съ собой черную тучу. Туча молчала. Разряда не было. На какомъ - то толчкѣ Аркадій Иванычъ слегка охнулъ.

— Вотъ, сказалъ тихо: все въ почку отдаетъ.

— Будете съ Похлёбкинымъ самогонъ пить, еще не то наживете.

Когда подъѣзжали къ Машистову, Анна взяла у него возжи.

— Что-жъ ты одна въ такую темень поѣдешь? Я бы тебя проводилъ...

— Слѣзайте, сказала Анна. — Ничего со мной не случится. Не маленькая.

Аркадій Иванычъ вздохнулъ и слѣзъ. Обойдя телѣжку, хотѣлъ на прощаніе обнять и поцѣловать Анну. Она его оттолкнула.

— Цѣлуйтесь съ барышнями. Отъ меня хлѣвомъ пахнетъ.

— Сумасшедшая, вслухъ сказалъ Аркадій Иванычъ. — Совсѣмъ ты полоумная.

— Ну и слава Богу, что полоумная, крикнула Анна и дернула возжи. Аркадій Иванычъ хмуро зашагалъ новымъ

садомъ къ себѣ въ имѣньице, Анна-же погнала лошадь домой. Вынула кнутъ, нѣсколько разъ хлестнула коня. Онъ рванулъ галопомъ, потомъ пошелъ крупной рысью. Тележку подкидывало. Она гремѣла въ пустынныхъ поляхъ, гдѣ все было — зловѣщій мракъ. Вѣтеръ гналъ ее. Аннѣ нравился этотъ глухой грохотъ. Ей нравилось также стегать коня, она изо всей силы вновь вытянула его раза два — онъ тяжело и свирѣпо брыкнулъ задомъ, опять помчалъ. Духъ захватывало. Что-же, чудесно! Пусть вывалитъ ее подъ буеракъ, стукнетъ въ темнотѣ тяжелымъ колесомъ по виску, да покрѣпче... Сердце болѣло, но въ самой боли была раздирающая сладость. «Страшно, какъ страшно», могла бы сказать Анна, но мыслей и словъ въ головѣ не было, просто кипѣло вглуби. Такъ, десятилѣтней дѣвочкой, послѣ того, какъ вотчимъ схватилъ мать за волосы и ударилъ о край стола, стояла она ночью, въ одной рубашонкѣ у раскрытой въ метель форточки, вдыхала ледяной воздухъ и молила послать ей смерть.

Никто не встрѣтился въ полночный часъ. Лишь собаки залаяли, когда взмыленный конь подкатилъ къ Мартыновкѣ. По двору двигался огонекъ фонаря.

— Я было и-заснулъ, да и всталъ, что тебѣ долго нѣтъ, сказалъ Матвѣй Мартынычъ: слышу, собаки лаютъ, думаю, навѣрно это Анночка прiѣхалъ.

Онъ помогъ ей распрячь лошадь. Анна говорила быстро и возбужденно. Можно было подумать, что она нѣсколько пьяна. Когда выходили изъ конюшни, Матвѣй Мартынычъ вдругъ обнялъ ее. Анна засмѣялась, слегка его отстранила. И присѣла на край стоявшей у воротъ бочки. Онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ шею, около уха.

ДѢЛА ЖИТЕЙСКІЯ

Хуторъ Мартыновка по своему хозяйству стоялъ, конечно, выше окружающаго — Матвѣй Мартынычъ могъ гордиться.

Земли при немъ было немного, поле давало главнымъ образомъ кормъ свиньямъ — всякія свеклы, картофель, красные клевера, рѣпу. Свиней держали въ большомъ порядкѣ — этимъ завѣдывали Анна и Марта. Дѣйствительно, ихъ мыли, постоянно чистили хлѣвъ и закуты, кормили съ правильностью клиники — трижды въ день.

Матвѣй Мартынычъ всегда былъ доволенъ и собою, и окружающимъ. Онъ похлопывалъ борововъ и поросныхъ свиней съ тѣмъ-же ощущеніемъ полнаго довольства, какъ и свою жену. Все казалось ему въ благополучномъ свѣтѣ. Въ центрѣ міра стоялъ онъ самъ, « хорошій латышъ », Матвѣй Мартынычъ, который все знаетъ и все понимаетъ, такъ что спорить съ нимъ безполезно. Съ великимъ благодушіемъ рѣзалъ онъ собственноручно тѣхъ-же самыхъ борововъ, за вѣсомъ и здоровьемъ которыхъ слѣдилъ при жизни ихъ съ такой любовью. Онъ и рѣзалъ съ любовью. Они жили для его, Матвѣя Мартынича, цѣлей, онъ на нихъ трудился, пропахивалъ для нихъ карто-

фель, косилъ овесъ, просо, ѣздилъ вдаль за жмыхами -- онъ же распоряжался и ихъ жизнью. И это было такъ. Это было хорошо.

Анна и Марта выхаживали поросятъ. Этой осенью у каждой было по опоросившейся свиньѣ — у Анны Матрена, у Марты свинья называлась болѣе поэтически — Люцiя, это напоминало чѣмъ-то, отдаленно, Мартѣ родину — и нравилось. Впрочемъ, Марта меньше всего была склонна къ сантиментальности. Въ ея жилистыхъ рукахъ, красивыхъ глазахъ и нѣсколько странно-большой груди всегда Аннѣ казался особый холодъ. Марта тоже иногда рѣзала свиней, и тоже удачно. Единственный человѣкъ, котораго боялся, и предъ кѣмъ отступалъ Матвѣй Мартынычъ, была именно Марта.

— Ты Анночка очень хорошiй дѣвушка, говорилъ онъ: но тебѣ никогда такъ матрешкински-ихъ не выкормить, какъ люцински-ихъ Мартѣ.

— Ну и не выкормить, отвѣчала Анна: и шутъ съ ними. Все только подъ ножъ, въ одну утробу.

— А, ты не понимаешь, ты всегда со своими словами. Тебѣ-бы только зря кормить, что тебѣ потомъ, съ ними въ розовую мордочку цѣловаться?

— Не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать, а только радоваться нечему. Ну, поросята и поросята. И въ концѣ концовъ зарѣжутъ ихъ.

Противъ этого возражать было-бы трудно. Вотъ и теперь, розовые дѣтишки Матрены, въ первые дни своего бытiя полуслѣпые, смутно тянувшiеся только къ сосцамъ матери — именно они то и предназначались къ убою, и какъ разъ ихъ Анна отняла на четвертой недѣлѣ отъ матери, тогда какъ Мартину Люцiю все еще сосали. Это про-

изошло черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Анна возвратилась изъ Серебрянаго. Матрена, запертая въ одиночествѣ, сумрачно хрюкала, толкалась изъ угла въ уголъ, подымая бѣлесое рыло и вопросительно поглядывая жалкими глазами съ бѣлыми рѣсницами. Отнятые поросята безсмысленно топтались, повизгивали въ другомъ хлѣву. Анна налила имъ въ корытце молока съ овсянкой и долго смотрѣла, какъ они безпомощно совали туда рыльца. «Ѣшьте, ѣшьте, хорошо еще, что ничего не понимаете! Вотъ такъ то — ну, иди» — она слегка подтолкнула носкомъ сапога одного отбившагося, направляя его къ корыту.

Они чмокали, но вяло. Анна смотрѣла на нихъ пристально, внезапная тяжесть сжала ея сердце, не дожидаясь, пока они доѣдятъ, она вышла изъ закутки.

Былъ солнечный день, рѣдкость въ началѣ ноября. Блѣдный свѣтъ лежалъ на цинковой крышѣ Мартынова подвала, пестрою тѣнью одѣвалъ стоявшую телѣгу, растворенныя ворота сарая, глубина котораго была полна тьмы, лишь кое-гдѣ прорѣзаемой узкимъ лучемъ сквозь щель. Пахло такой крѣпкой настойкой осени, въ нѣжной лазури такъ пронзительно трепеталъ золотой, къ удивленію еще необлетѣвшій листъ яблони за домомъ, что Анна на минуту пріостановилась, глубоко вздохнула, потянулась. Боже мой, какъ хорошо! Даже слезы выступили. Какъ хорошо и какъ безмѣрно грустно! Разумѣется, она сумасшедшая, въ ней дикая кровь, что она натворила тогда, какъ себя вела! Все это вздоръ. Вотъ если-бы онъ тутъ сейчасъ былъ, если-бы взялся рукой за эту дверь, она поцѣловала-бъ мѣсто, гдѣ была рука, и наклонившись къ землѣ, къ этой сухой уже, мертво-коричневой травѣ,

тоже ее поцѣловала-бы. Что сдѣлать въ ясный, терпко-колкій день ноябрьскій, когда чувствуешь, что молодъ, силенъ, любишь, когда такъ ужасно хочешь счастья... Закричать, запѣть? Хорошо-бы это приняла Марта, Матвѣй Мартыныч!

Марта какъ разъ выходила отъ своей Люціи. За руку вела маленькаго Мартына, шла спокойно, въ теплой вязаной кофтѣ, особенно выдававшей ея большую грудь. Каріе глаза смотрѣли пристально, скорѣй сочувственно. Увидѣвъ незапертую дверь хлѣва съ поросятами, Марта заглянула туда.

— Свинушки, сказалъ мальчикъ, и протянулъ руку въ сторону поросятъ.

— Свинушки, свинушки, повторила мать. — Выростешь большой, у тебя будетъ тоже много свинушекъ.

— Ба-альшихъ! сказалъ мальчикъ важно.

— Ба-альшихъ! повторила Марта. Красивые ея глаза зажглись гордостью. Мартынъ разрастался въ нихъ изъ маленькаго латышскаго мальчика въ нѣкоего героя поэмы — такъ могла-бы объяснить Марта, если-бы знала, что такое герой и что такое поэма.

Но пока что она сказала Аннѣ:

— Тамъ поросята не доѣли. Зачѣмъ-же ты лишнее наливаешь? Какъ полагается: сколько имъ нужно, столько и давай.

— А? переспросила Анна.

Марта посмотрѣла на нее съ недоумѣніемъ. Холодный огонекъ слегка блеснулъ въ ея глазахъ.

— Ты-же вѣдь отлично знаешь, о чемъ я говорю.

— Ахъ да, конечно...

Анна вдругъ стала поправлять себѣ волосы — темный

завитокъ выбился изъ подъ туго завязаннаго на головѣ краснаго платочка. Черные, большіе глаза были полны отраженнаго блеска и дрожи. Въ ея движеніяхъ и видѣ все показалось непріятнымъ Мартѣ, точно-бы раздражало.

— Что это, правда, ты...

— Я сейчасъ уберу, сказала Анна и быстро направилась вновь къ хлѣву.

Марта тоже дѣйствовала на нее странно, нельзя сказать, чтобы радостно, хотя дурного она ей ничего не дѣлала Анна привыкла считать ее не то хозяйкой, не то старшей родственницей, но жилистыя, очень крѣпкія руки Марты, и ея губы вызывали легкую какъ-бы тошноту. Марта была чиста тѣломъ, Аннѣ-же казалось, что отъ нея пахнетъ мясомъ. Ощущеніе это было внѣразумно и даже таинственно, но непріятно.

Анна быстро убрала остатки овсянки, подмела, подчистила въ хлѣвѣ, довольная теперь, что она одна, довольная даже и тѣмъ, что прядь волосъ, слегка курчавившихся, вновь выбилась изъ подъ платочка. Она улыбнулась— хорошо было то, что опять появился Аркадій Иванычъ (онъ любилъ эту прядь!), Аркадій Иванычъ во весь свой огромный ростъ, съ большими мягкими руками, въ поддевкѣ, могучихъ усахъ свободно присутствовалъ, какъ нѣкій живой великанъ въ этомъ хлѣвѣ. Онъ зажигалъ удивительнымъ свѣтомъ косыя полосы изъ оконца, благодаря нему пылинки, вплывавшія изъ разныхъ закоулковъ, переливали поражающею радугой. Въ немъ была крѣпкая настойка нынѣшняго дня, трепетъ золотого листа, пронзающая лазурь неба. Она не видѣла его уже съ недѣлю. Какъ невозможно долго!

— Я хочу тебя видѣть, вдругъ вслухъ сказала Анна. — Хочу тебя видѣть...

Наѣвшіеся поросята осовѣли, сонно чмокали, иногда какой-нибудь изъ нихъ слегка повизгивалъ и тыкалъ розовымъ пятачкомъ въ бокъ сосѣду. Анна въ безсмысленномъ восторгѣ смотрѣла передъ собой, и точно заклинанье, повторяла:

— Я хочу видѣть.

— Вотъ я хочу тебя видѣть.

На минуту ей стало даже жутко. Сила желанія была такъ велика, что оно будто становилось вещественнымъ.

Ей нечего было больше дѣлать въ хлѣвѣ. Она взялась за ручку двери, тяжело отворила ее. Знала, что сегодня должна его увидѣть, если его нѣтъ, сама къ нему пойдетъ, ни на кого не глядя, никого не спрашиваясь.

И затворивъ дверь, обернувшись въ сторону двора, Анна нисколько не удивилась увидѣвъ въѣзжавшую карфажку въ англійской сбруѣ — въ ней сидѣла Марья Гавриловна. Леночка правила. Сзади легко катили дрожки съ высокимъ человѣкомъ въ черныхъ усахъ. Тяжелая, горячая волна медленно прошла по всему тѣлу Анны.

— Вы не ждали насъ, Аня, крикнула Леночка со своей двуколки. — Да, неожиданно, мы и не собирались.

— Нѣтъ, почему-же.

— Вы знаете новость, говорила Леночка, щуря свои каріе глаза: вотъ такъ новость: насъ выселяютъ!

Она произнесла это очень весело, точно дѣло шло о забавномъ происшествіи. — Мы завтра переѣзжаемъ въ Красный домикъ!

Марья Гавриловна медленно снимала свой дорожный пыльникъ, неторопливо и какъ бы утомленно высаживалась изъ экипажа.

— Да, сказала она Аннѣ: времена. Въ нашемъ большомъ домѣ будетъ совѣтъ. А мы пока во флигель... чтожъ тутъ подѣлаешь...

Анна улыбалась. Слова пролетали сквозь нее, ничего не задѣвая, ни на чемъ не осаждаясь. Черными, недвижными глазами она глядѣла на дрожки.

Леночка захохотала, обняла ее.

— Мама, Анѣ это мало интересно!

Черезъ четверть часа Марья Гавриловна сидѣла предъ пузатымъ мѣднымъ самоварчикомъ, плющившимъ лица окружающихъ, и медленно, нѣсколько грустно разсказывала. По несовсѣмъ чистой скатерти съ красной каймой ползали мухи, другая часть этого племени глухо гудѣла подъ потолкомъ, оклееннымъ закоптѣлой бумагой. Послѣ дома въ Серебряномъ окна казались маленькими и все убогимъ.

— Мнѣ Чухаевъ давно говорилъ: Марья Гавриловна мы ничего не можемъ подѣлать... Вамъ тутъ долго не удержаться. Я, говоритъ, самъ буржуй и понимаю. Даже очень сочувствую, но напираютъ. Вамъ навѣрно придется отдать домъ подъ Совѣтъ. Вотъ онъ правъ и оказался. Третьяго дня прiѣхали изъ города, и немедленное распоряженiе: въ двадцать четыре часа! Чухаевъ говоритъ — еще Бога благодарите, Марья Гавриловна, что удалось для васъ Красный домикъ сохранить, а могли-бы прямо на улицу!

Матвѣй Мартынычъ сидѣлъ рядомъ съ ней, локти на столѣ, подпирая коротко стриженную голову грязными,

волосатыми руками. Его квадратное лицо въ самоварѣ растягивалось въ чудовищное рыло. Онъ глядѣлъ на Марью Гавриловну съ безпокойствомъ.

— Вотъ каки, вотъ такъ сволочь! Свою собственный землю имъ отдавай, коровочекъ отдавай, лошадокъ, куръ, все пригодится, такъ еще изъ дому гонятъ!

Въ маленькихъ, зеленоватыхъ его глазахъ что-то сверкнуло.

— Такъ-то вотъ сидишь, работаешь, вдругъ явятся и говорятъ: пожалуйте вонъ!

Аркадій Ивановичъ пилъ чай съ блюдечка, медленно дуя на него, заѣдая малиновымъ вареньемъ. Его усы свисали внизъ, загорѣлое лицо съ мягкими карими глазами имѣло утомленный, нѣсколько болѣзненный видъ.

— Что подѣлать, сказалъ онъ: живы, и на томъ спасибо. На Ефремовскомъ хуторкѣ надняхъ одинокую помѣщицу просто зарѣзали... вотъ какъ вы вашихъ... питомцевъ рѣжете, Матвѣй Мартынычъ. Обобрали, ограбили, что могли, а тамъ ищи ихъ. Всѣ, конечно, подозрѣнія на Трушку. Да его такъ боятся, что и доказывать на него никто не станетъ, если-бъ и собственными глазами видѣлъ. Онъ прямо по округѣ заявилъ: если кто на меня докажетъ, я не только что его, а и всю его деревню спалю.

— Такого не пожалѣешь, сказала Анна.

Аркадій Иванычъ улыбнулся.

— Аннушка правъ — Матвѣй Мартынычъ хлопнулъ

— Вонъ вы какая воинственная!

— Аннушка правъ — Матвѣй Мартынычъ хлопнулъ даже ладонью по столу.—Я эту госпожу Синицыну зналъ, Марта, смотри пожалуста, ефремовску барыню убили, у

которой я въ третьемъ годѣ сѣно покупалъ, хорошая старушка, обходительная, и сѣно мнѣ не за дорого продалъ, а теперь ее зарѣзали и ограбили, ну, такъ я спрашиваю васъ, на что же это похоже, чтобы честныхъ людей ни за что ...

Марья Гавриловна вздохнула, по лицу ея прошла тѣнь.

— Ну, что, Аркадій Иванычъ, и такъ не сладко, а вы все какія мрачныя вещи ...

— Извините, кума, правда, это я зря наговариваю. Должно, нездоровье мое во мнѣ сидитъ, и все мысли, знаете, въ эту сторону ...

Анна взглянула быстро, вопросительно.

Марья Гавриловна вновь обратилась къ нему.

— Да и вотъ, напримѣръ: у самого болѣзнь почекъ, а за нами трясется сюда, на своихъ дрожкахъ ...

Аркадій Иванычъ слегка покраснѣлъ.

— Ну, ужъ это извините, Марья Гавриловна. — Я въ вашемъ домѣ двадцать лѣтъ околачиваюсь, а по нынѣшнимъ временамъ отпускать дамъ однѣхъ ...

Марья Гавриловна закурила и засмѣялась.

— Леночка, смотри какой у насъ Аркадій кавалеръ.

Леночка быстро и дѣловито ѣла варенье, низко наклонивъ голову къ блюдечку. Она всегда утверждала, что къ «Мартыну» можно ѣздить съ единственною цѣлью — какъ слѣдуетъ наѣсться. Сейчасъ живо подняла голову, взглянула на мать карими, нѣсколько близорукими глазами и захохотала.

— Аркаша насъ защищаетъ отъ бандитовъ? Отъ нападенія разбойничковъ?

И слегка щуря глаза, взяла руку Анны, вполголоса сказала ей:

— А я думаю, что бандиты вовсе не опасны.

— Опасны, не опасны, а темноты захватимъ, это ужъ какъ пить дать.

— Да, спохватилась Марья Гавриловна: а я еще самаго главнаго вамъ не сказала... тутъ все свои... — она оглянулась: я захватила кое - какія вещи, знаете, у насъ тамъ совѣтъ подъ бокомъ, того и гляди. вы не будете добры спрятать? Ну, временно подержать у себя.

— Да, мамаша, къ дѣлу, сказала Леночка. — Матвѣй Мартынычъ, вы не откажете? Пойдемъ посмотримъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Матвѣй Мартынычъ тащилъ уже по двору небольшой, но очень тяжелый чемоданчикъ и плэдъ въ ремняхъ. Отъ напряженія на вискѣ его надулась жила.

— Кое-что таки набралось, говорилъ онъ довольнымъ тономъ. Надо схоронить. Мы таки схоронимъ. Кое-что набралось.

Ему очень нравилось, что вотъ у кого-то что-то есть. Марья Гавриловна вполнѣ могла быть покойна за свое добро.

— Все съ вами пересчитаемъ, запишемъ, подъ расписочку примемъ, чтобы не вышло потомъ чего...

Аркадій Иванычъ отвязалъ свою лошадь и сѣлъ на дрожки.

— Я тебя подожду тамъ на выѣздѣ, у ракиты, шепнулъ онъ Аннѣ. — Пройди садомъ.

Анна покорно кивнула, темные ея глаза покрылись влагой. Пока въ столовой шелъ подсчетъ серебра, цѣнностей, воротниковъ дорогихъ шубъ, она вышла въ садъ.

Садъ въ Мартыновкѣ находился по другую сторону дома, и это былъ иной міръ.

Хоть и сюда доносилось хрюканье свиней, все-же старый яблоневый садъ, временъ далеко до-мартыновскихъ, носилъ обликъ милыхъ русскихъ садовъ—нѣкоего скромнаго рая. Сейчасъ яблони стояли уже совсѣмъ голыя. У подножія стволовъ чернѣли круги свѣжевскопанной земли, отъ нихъ пахло терпко и прелестно. На одномъ аркадѣ сохранилось нѣсколько блѣдныхъ листиковъ, и на верхушкѣ одинокое, блѣдное яблочко. Изумрудно-стекляненъ былъ вечеръ. Нѣженъ, узко-сребристъ мѣсяцъ сквозь вѣтви, горекъ воздухъ. Анна шла, попирая погибшія травы.

Пройдя мимо шалаша въ дальній конецъ, выходившій къ дорогѣ, она услыхала то медленное въ вечернемъ воздухѣ позвякиванье, постукиванье, ходъ подкованной лошади, тѣ мирные звуки, которые говорятъ о приближеніи друга. Никогда Трушка такъ не приближался. И дѣйствительно, черезъ минуту, взбѣжавъ узенькой тропкой сквозь акаціи по канавкѣ къ дорогѣ, она увидала эти простецкія дрожки, чалаго коня, длиннаго Аркадія.

Увидѣвъ ее, онъ улыбнулся.

— Ты нынче не такая, какъ тотъ разъ.

Анна сѣла на дрожки бокомъ, обняла его, прижалась щекой къ его шеѣ — усъ щекоталъ слегка ей лобъ.

— Прости меня Аркадій, прости.

Все улыбаясь, онъ обернулся. Темные, сумасшедшіе глаза въ упоръ смотрѣли на него. Онъ провелъ рукой по ея волосамъ, поцѣловалъ въ лобъ, сказалъ тихонько: — Проводи меня до кургана.

Анна молча къ нему прижалась.

— Я сегодня такъ хотѣла, чтобы ты пріѣхалъ... и дѣйствительно, смотрю, вы и въѣзжаете. Да, прибавила она упрямо: да, больше я не могу.

— Что не можешь?

— Не могу тутъ жить, не могу безъ тебя...

Лошадь шла шагомъ. Внизу, направо, выступила въ лощинѣ деревушка Мартемьяново. Тамъ мычали коровы. Слышенъ былъ гулъ молотилки. По временамъ бичъ хлопалъ. И-о-о! И-о-о! равномѣрно покрикивалъ погонщикъ. Мартемьяново уходило въ голубовато-синѣющій туманъ вечера.

Аркадій Иванычъ молчалъ.

— Мнѣ писали изъ Тулы, сказалъ онъ: теперь совсѣмъ скоро разводъ. Какъ получу, обвѣнчаемся. Я непремѣнно хочу обвѣнчаться, чтобы все какъ слѣдуетъ. Будетъ, довольно. Хочется, чтобы такъ благочинно... по настоящему. А то вотъ прошла жизнь, и столько зря надѣлано, натрепано... ужасно много...

Все такъ-же позвякивало что-то въ дрожкахъ, лошадь медленно ступала по сухому проселку, слегка подымавшемуся. Подъѣхали къ кургану—небольшому, ровному холму на высокомъ мѣстѣ. Открылся далекій видъ на поля, лѣса, овраги, взгорья. Что въ этомъ курганѣ, никто толкомъ не зналъ, да можетъ быть, и ничего не было — просто сторожевая вышка, откуда наблюдали за жуткимъ востокомъ, за страшной татарщиной — заревами, дымомъ надвигавшейся. Аркадій Иванычъ остановилъ коня. Они слѣзли и сѣли у канавки. Солнце садилось. Тѣнь вѣкового кургана ихъ одѣла; надъ его верхушкою пылали еще лучи, небо на сѣверо-востокѣ было холодное, синестальное. Къ нему снизу шли яркія, густыя зеленя. Ихъ замыкалъ темный паркъ Серебрянаго. Бѣлая колокольня, пересѣкая пейзажъ, горѣла въ послѣднемъ блескѣ.

— Вотъ тамъ ты, сказала Анна: тамъ ты живешь, твое Машистово, и тамъ пропала моя головушка...

Она засмѣялась.

— Хорошо, что пропала. Тебя тоже, навѣрно, скоро оттуда выгонятъ, это ничего, мы гдѣ нибудь устроимся, не все-ли равно. Мнѣ съ тобой хорошо. Мнѣ съ тобой очень хорошо. Но сейчасъ ужасно грустно.

Она опять къ нему приникла.

— И все страшно... Аркадій, мнѣ какъ то очень страшно.

Аркадій Иванычъ вертѣлъ въ рукахъ сухую былинку. Иногда откусывалъ кусочекъ. Онъ ничего ей не отвѣтилъ. Въ поясницѣ начиналась вновь привычная, тупая боль.

— Нѣтъ, сказала Анна: если до Рождества развода не будетъ, я все равно къ тебѣ сбѣгу. Это ужъ какъ хочешь.

Со стороны хутора на дорогѣ показалась карфажка. Солнце сѣло. Сизый, прохладный сумракъ обозначился въ лощинахъ. Аркадій Иванычъ всталъ.

— Пора. Наши ѣдутъ. Вотъ и застали темноты.

— У тебя есть съ собой..?

Аркадій Иванычъ похлопалъ себя по карману.

— Я приду въ воскресенье.

Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ и сѣлъ на дрожки.

Было уже темно. Съ каждой минутой глубже погружалось заведеніе Матвѣя Мартыныча въ первоначальную тьму, смывавшую дома, лѣса, людей, животныхъ, чтобы возродить ихъ утромъ. Зато на небѣ возставала своя кра-

са. Зима близилась. Уже Оріонъ выводилъ, еще невысоко надъ горизонтомъ, свой таинственный семисвѣчникъ. Подъ нимъ кипѣлъ вѣчно-юный Сиріусъ.

Сиріусъ стрѣлялъ уже разноцвѣтными лучами сквозь голые сучья сада, когда Анна вошла во дворъ. Дверь инструментальнаго сарайчика была открыта. Тамъ возился Матвѣй Мартынычъ.

— Аннушка, это ты? спросилъ онъ, услышавъ ея шаги.

— Я.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— Въ полѣ.

Изъ-за темноты Анна не видѣла лица Матвѣя Мартыныча, передвигавшаго какіе-то ящики, но ее поразилъ измѣнившійся, задохнувшійся его голосъ, когда онъ почти крикнулъ:

— Ты все за этимъ Аркадіемъ бѣгаешь ... Я уже давно, уже съ лѣта замѣчайлъ ...

— Ну и что-жъ, что замѣчалъ?

Матвѣй Мартынычъ выскочилъ изъ сарайчика.

— Ты понимай, что онъ бездѣльникъ, онъ тольки всю жизнь по ярмаркамъ ѣздилъ, на гитарѣ игралъ и любилъ дѣвушекъ ...

— Да тебѣ-то что? вдругъ грубо сказала Анна. — Ты чего раскипятился? Ты кто самъ?

— Я честный латишъ ... я хозяинъ, все самъ дѣлаю ... Аннушка, не сердись, я ничего, такъ ... ты знаешь, я о тебѣ все думаю и безпокоюсь, ты уже большая дѣвушка, уже на выданьѣ ...

— А-а, безпокоюсь ... молчи, Матвѣй, я знаю, о чемъ ты безпокоишься ...

Матвѣй Мартынычъ взялъ ее за руку.

— Я о тебѣ безпокоюсь, потому что ты мнѣ не чужой, ты свой, хорошій... Я тебя ребенкомъ зналъ, а ты теперь сдѣлался красивый дѣвушка...

Теплота его руки, знакомая медвѣжатная шерстистость хорошо подѣйствовали на Анну. Гнѣвъ ея быстро сошелъ. Ей, какъ всегда съ Матвѣемъ Мартыновичемъ, стало какъ-то смѣшно, токъ животной сочувственности смягчилъ ее. Матвѣй Мартынычъ молча и неуклюже гладилъ ей руку.

— Если ты будешь ко мнѣ приставать съ Аркадіемъ, сказала она покойнѣе, и съ усмѣшкой: такъ смотри ты у меня!

— Матвунчикъ! крикнула съ крыльца Марта. — Куда ты тамъ запропастился? Анна, отыскалась, наконецъ?

Анна слегка хлопнула Матвѣя Мартыновича по затылку.

— Видишь, какой ты... — шепнула ему. И потомъ прибавила, тоже вполголоса, но серьезно:

— Ты мнѣ не вздумай мѣшать. Я сама все знаю. Я, дядя, давно ужъ не маленькая. Я живу сама, и сама буду жить, какъ захочу. Меня не передѣлаешь.

Марта встрѣтила ихъ сухо, буркнувъ про себя что-то. Но Анна не слушала. Ей было все равно. Съ безразличіемъ она ужинала. Въ душѣ прохлада, крѣпость и рѣшительность. Что то заканчивалось въ ея жизни. Пока она молчала, но свое знала твердо. Послѣ ужина, какъ всегда, поднялась къ себѣ въ комнатку. Прежде чѣмъ лечь, отворила окошко въ темную, холодную ночь. Долго смотрѣла на звѣзды пылавшія. И опять, какъ тогда у кургана, стало ей жутко. Голова закружилась.

МАШИСТОВО

Въ деревнѣ поздняя осень тяжела. Какъ ужасно размокаютъ дороги! Безпросвѣтенъ вѣчный дождичекъ изъ холодныхъ, набухшихъ тучъ, изъ надвигающихся сыро-туманныхъ завѣсъ, задымляющихъ бугры, колокольни, лѣсистыя взгорья. Выѣхать значитъ хлюпать въ грязи по ступицу, плестись шагомъ, терпѣть и мокнуть.

А потомъ все замерзнетъ. Тогда дорога — сухая, окостенѣлая пытка. Телѣги грохочутъ, людей въ нихъ швыряетъ... что-же подѣлаешь. Это Родина. Это Россія.

Михайловъ день пространдали въ Мартыновкѣ въ мѣсивѣ мокраго снѣга и грязи. Матвѣю Мартынычу надо бы было доѣхать въ городъ, но время не позволяетъ, зарѣжешь лошадь. Марта и Анна ходили въ подоткнутыхъ юбкахъ, высокихъ сапогахъ, на которые налипали цѣлые комья — сумрачныя и усталыя отъ этихъ вѣчно-чмокающихъ звуковъ — имъ вторило въ хлѣвахъ чавканье свиного населенья.

Сухой заморозокъ принесъ нѣкое облегченіе. Къ ночи все стихло. Таинственныя перемѣны совершались въ облакахъ. На закоченѣлую землю Серебряного, Машистова, Мартемьянова во мглѣ и безвѣстности заструился снѣгъ —

сталъ заравнивать выбоины дорогъ, бѣлить углы крышъ, медленно наростать въ разныхъ ложочкахъ и затишныхъ мѣстахъ.

Передъ тѣмъ какъ лечь, Матвѣй Мартынычъ вышелъ на воздухъ и остановившись на каменной плитѣ за порогомъ, въ кромѣшной тьмѣ съ удовольствіемъ ощутилъ на лбу, на волосатой щекѣ, на кончикѣ носа холодныя прикосновенья. Онъ выставилъ ладонь руки — сомнѣній не было.

— Ну вотъ, Матвѣй Мартыничъ говорилъ, что и-пороша, и разумѣется дѣло, такъ снѣжокъ и пошелъ!

Каждый годъ, съ большой правильностью, выпадалъ въ концѣ ноября снѣгъ, но Матвѣю Мартыновичу пріятно было сознавать, что вотъ именно онъ не ошибся, сказавъ надняхъ Мартѣ, что скоро будетъ снѣгъ. Сталъ-ли бы серьезный и честный латышъ утверждать что-нибудь легкомысленное?

Постоявъ, сколько полагается, облегченный и довольный, Матвѣй Мартынычъ вошелъ въ домъ, заперъ дверь и направился въ спальню. Марта уже лежала. Мальчикъ спалъ. Крошечная лампочка-коптилка стояла на комодѣ и усиливала густой, кисловатый запахъ.

— Я-же и говорилъ — Матвѣй Мартынычъ сѣлъ на постель со своего боку и снявъ куртку почесалъ подъ рубашкой кустившуюся грудь. — Я же и говорилъ, что снѣжокъ выпадетъ, мы теперь и-ляжемъ, а встанешь, то и первопутокъ.

— Вотъ и хорошо тебѣ въ городъ ѣхать, отозвалась вяло Марта.

— Я зналъ, что мнѣ хорошо будетъ.

— А розвальни наладилъ?

— Матвѣй Мартынычъ все наладилъ. Пожалуйста! Лѣвый полозокъ новый сдѣлалъ, оглобли перестроилъ...

Задувъ свѣтъ, онъ довольно грузно, такъ что двуспальная кровать вздохнула, завалился на спину.

— И тебѣ съ Анночкой по снѣжку веселѣе...

— Еще-бы.

— А то я третьяго дня вижу, Анночка по двору шлепаетъ, такъ тамъ около подвала вмѣсто чтобы по досточкѣ прямо какъ въ лужу ступилъ, чуть не по колѣнку въ грязь...

— Ну, это ужъ просто по ротозѣйству, отвѣтила Марта. — Дощечка положена, нѣтъ, надо переть прямо.

— Не замѣтилъ какъ нибудь, и попалъ...

— Не замѣтила... какая барыня!

Марта повернулась, легла на спину.

— Эта самая Анна дурить начинаетъ. На нашихъ хлѣбахъ отъѣлась, теперь смотри пожалуйста... то усатый сюда заѣдетъ, то она бѣжитъ въ Машистово.

— Она-же рѣдки со двора уходитъ.

— Рѣдки, рѣдки! Прошлое воскресенье чуть не на зарѣ вернулась.

Матвѣй Мартынычъ недовольно двинулся. Нѣкоторое время лежали молча.

— Аннушка честная дѣвушка, сказалъ Матвѣй Мартынычъ. — Если кого полюбитъ, то замужъ выйдетъ.

— Ну, да ужъ ты за нее горой...

— Не то, чтобы горой, а правду надо сказать.

Марта вдругъ вспыхнула.

— Значитъ, я вру? А я тебѣ говорю, что она съ машистовскимъ путается, и объ этомъ всѣ на деревнѣ знаютъ, кого хочешь спроси...

— Марточка, не волнуйся. Я и не говорилъ, что ты врешь, а что надо правду сказать...

Но Марта дѣйствительно разсердилась. Сонъ ея прошелъ. Острая электрическая сила пробѣжала по ея худому тѣлу, можетъ быть та-же, что потрясала и въ любви. Марта уже замѣчала и раньше сдержанное притяженіе въ мужѣ... Какъ онъ оживлялся, какъ близко къ сердцу принималъ все, касавшееся Анны. Чувство это, отслаиваясь въ дальнихъ углахъ, поднакопилось — давало о себѣ знать смутнымъ недовольствомъ.

Марта сѣла — такъ было удобнѣе — и повела наступленіе. Матвѣй Мартынычъ лежалъ сначала смирно, потомъ тоже воодушевился, сѣлъ и сталъ защищаться въ полныхъ доспѣхахъ непорочнаго мужа.

— Марточки, это неправда! Я съ тобой сколько лѣтъ, и я другой женщины даже и не зналъ, вотъ у насъ Мартынчикъ растетъ, я для тебя и для него стараюсь, какъ честный латышъ...

Но Марту не такъ легко было заговорить. Она не давала вздохнуть. Послѣ краткаго боя побѣда осталась за ней, хоть и обошлась недешево. Матвѣй-же Мартынычъ отступилъ въ порядкѣ, и вдругъ занялъ такія позиціи, куда проникнуть за нимъ было уже невозможно: захрапѣлъ на спинѣ. Малыя треволненья соскочили съ него въ ту теплую, медвѣжатную мглу, гдѣ столь легко сливался онъ со всѣмъ царствомъ сонно-живымъ, покоящимся въ Матери Природѣ.

Марта-же заснуть не могла — этимъ и платила за побѣду. Нервное волненіе ея не покидало. Въ сущности, конечно, чепуха, она знаетъ своего Матвунчика и въ немъ увѣрена... да и попробовалъ-бы онъ! Нѣтъ, вздоръ, но

лучше бы и этого не было. Заботъ и такъ много. Конечно, Матвѣй Мартынычъ отличный мужъ, хозяинъ, но какъ легковѣренъ, какъ все видитъ въ лучшемъ свѣтѣ! Ну, Богъ съ ней съ Анной, съ Машистовымъ — онъ забываетъ, что теперь не миръ, какое время! Разводитъ-себѣ, раскармливаетъ свиней, въ усъ не дуетъ, что мартемьяновскіе мужики какъ волки бродятъ вокругъ хутора, что вѣдь пріѣзжали-же зачѣмъ-то Чухаевъ съ Похлёбкинымъ...

Мрачныя мысли разгорались. Да, хорошо говорить о ней и о сынѣ, но надо знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, надо закупать исполкомъ, вообще надо дѣйствовать. «Вотъ теперь поѣдетъ по первопутку... да, непремѣнно чтобы въ городъ свезъ хоть поросятъ... А можетъ быть, свинку пожертвовать? Хоть бы эту Аннину Матрену... лучше будетъ, какъ все заберутъ?»

Заснула она поздно. Когда проснулась, бѣлесый отсвѣтъ лежалъ на стѣнахъ. Матвѣй Мартынычъ въ голубыхъ подтяжкахъ уже расхаживалъ по комнатѣ.

— Какъ ты спала, Марточка? спросилъ неувѣренно. — Ты что-то все и-съ вечера вертѣлси.

— Вертѣлась не вертѣлась, а надумала правильно.

По виду мужа она поняла, что вчерашняго онъ не забылъ. Власть, какъ всегда, была за нею.

— Снѣгу много?

— Снѣжокъ ничего себѣ, да таки пороша какъ слѣдуетъ, вотъ патроновъ набью, то пойду зайчиковъ потревожить. Мы давно зайчика не кушали.

Марта принялась одѣваться.

— Ну, тамъ зайчика не зайчика, а ты слушай, что я тебѣ скажу: ты когда въ городъ собираешься?

— Въ городъ я обязательно должонъ. Такъ и думалъ, какъ и-санный путь, то и тронуся.

— Тебѣ надо завтра ѣхать. И свинью захватишь.

— Какъ свинью?

Продолжая одѣваться, Марта кратко и внушительно ему объяснила, что съ пустыми руками ѣхать въ городъ нельзя. Надо повидать кого слѣдуетъ, подмазать. Зайчики зайчиками, баловство, успѣется. А вотъ Аннину Матрену — свинья неважная, поросята тоже дрянь, ихъ Анна выкармливаетъ — эту Матрену сейчасъ-же надо зарѣзать, къ вечеру освѣжевать, приготовить, и завтра окорока прямо въ городъ.

Матвѣй Мартынычъ не очень ждалъ такой рѣшительности. Разумѣется, онъ предпочелъ-бы искать по порошѣ зайчишекъ, а въ городъ и завтра не поздно. Но ужъ одно то, что Марта выбрала Аннину свинью, говорило о серьезности дѣла. Какъ хозяинъ, Матвѣй Мартынычъ готовъ былъ возражать. Но какъ мужъ, хорошо знающій свою жену, не рѣшился.

Когда черезъ нѣсколько времени они съ Мартой вышли, нагруженные инструментами, точно хирургъ съ сестрой милосердія на операцію, первое, что ударило по нимъ, былъ удивительный воздухъ. Бѣлый снѣгъ, нынче родившійся, принесъ съ высотъ заоблачныхъ такую свѣжесть, такое безплотное и какъ бы отрѣшенное благоуханіе, будто иной, прохладный и нѣсколько грустный въ нетлѣнности своей міръ сошелъ на землю. Всѣ выбоины, колеи и закостенѣлыя неровности запушилъ онъ. Нога ступала мягко, и то, что еще вчера терзало ее, нынче было уже погребено. Матвѣй Мартынычъ съ Мартою шли разговаривая о дѣлахъ. Ни снѣга, ни его запаха, ни чистоты они не

замѣчали. Да и странно было бы этого ждать отъ нихъ. Они шли дѣлать свое дѣло. Они поддерживали собою міръ.

Понимала-ли Матрена, что эти спокойные люди, которыхъ она нерѣдко видѣла, которые ей ничего дурного не дѣлали, какъ и она имъ — идутъ ее убивать? Должно быть, тоже не понимала.

Лишь когда стали связывать ей ноги, когда Матвѣй Мартынычъ, поваливъ ее набокъ, сѣлъ верхомъ, издала она раздирающій вопль.

Анна доила въ это время корову. Выйдя изъ теплаго стойла съ подойникомъ, она встрѣтила посреди двора Марту. Та быстро шла по направленію къ дому, въ лѣвой рукѣ держала, концомъ внизъ, узкій и длинный ножъ. Кровь капала съ него. За угломъ закуты возился надъ неподвижною тушей Матвѣй Мартынычъ.

— Свинью рѣзали? спросила Анна удивленно — обычно она знала объ этомъ заранѣе.

Отсвѣтъ снѣга блѣднилъ нѣсколько лицо Марты, но и само оно было сейчасъ безжизненно. Только глаза блестѣли.

— Твою Матрешку палить будемъ, отвѣтила Марта глуховато, съ усмѣшкой. Рука ея съ ножомъ вздрагивала. Приподнявъ немного остріе, она попробовала его пальцемъ, сразу закраснѣвшимъ.

— Теплая еще.

Едва замѣтная судорога, какъ слѣдъ прошедшей подъ поверхностью рыбки, всколыхнула ея лицо. Анна почувствовала себя нѣсколько задѣтой.

— Почему-же именно Матрену? спросила она. — И вотъ такъ сразу . . . Я даже не знала.

Марта усмѣхнулась.

— Ты что-жъ, помогла-бы рѣзать?

Анна отвѣтила холодно:

— Что нужно, я все помогаю.

Онѣ обѣ шли въ домъ. Анна не хотѣла больше разспрашивать. Привычно ушла она въ себя. Переливая молоко, дѣлая мелкія хозяйственныя дѣла, легко направилась душой въ Машистово.

«Навѣрно на охоту теперь пойдетъ. Самъ-то и не такой здоровый, начнетъ по оврагамъ за зайцами лазить, распотѣетъ . . . а тамъ эти почки . . . Ну, да развѣ его удержишь?»

Собственно, она думала, что удержать-то — и отъ вина, и отъ чего другого можно, но надо при немъ находиться. Быть его женой, подругою . . . Разводъ-же все не идетъ да не идетъ. «Аркадій тоже хочетъ по закону, по хорошему». Ей было мучительно радостно, что этотъ немолодой баринъ, бывшій покоритель, теперь такъ привязался именно къ ней, хочетъ все «по хорошему» — хотя именно теперь сходятся и безъ брака, и безъ любви, какъ звѣри.

Кончивъ работу, Анна вновь вышла на дворъ. Нѣкое любопытство владѣло ею. Такъ хорошъ, такъ милъ былъ снѣгъ, по немъ жалко даже идти. Онъ тотъ-же снѣгъ, что лежитъ сейчасъ и въ Машистовѣ, и по которому ходитъ Аркадій за зайцами — снѣгъ другъ и союзникъ. Все же идетъ она почему-то мимо свиныхъ закутъ, къ тому дальнему углу, гдѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ двора, разбросаны клочья соломы, ржаво краснѣютъ на снѣгу непріятныя пятна. Матвѣй Мартынычъ окончилъ уже всѣ приготовленія. Обложивъ тушу соломой, не очень обильно, онъ зажегъ ее. Синѣющій дымокъ легко поплылъ и заболтал-

ся въ воздухѣ, огонь запрыгалъ съ соломинки на соломинку. Онъ ненасытно, весело ѣлъ золотые пучки, они корёжились, тотчасъ чернѣли. А огонь ластился уже къ тушѣ, охватывалъ ее. Щетина трещала. Новый запахъ явился, смрадный. Къ синевѣ дыма прибавился сѣро-прогорклый оттѣнокъ.

За недлинную свою жизнь Анна достаточно видѣла. Ей и самой приходилось рѣзать птицу. Но сейчасъ, въ тихій, бѣлоснѣжный день, видъ палимой свиньи показался ей особенно противнымъ.

Увидѣвъ Анну Матвѣй Мартынычъ нѣсколько смутился.

— Что-же это ты, однимъ махомъ, и мнѣ даже не собрался сказать... Мою матку зарѣзали, а мнѣ ни слова.

Анна произнесла это тономъ почти начальственнымъ. Съ нѣкотораго времени она вообще усвоила его съ Матвѣемъ Мартынычемъ. Пока не знала Аркадія такъ, какъ теперь, пока не чувствовала себя взрослой и не ощущала своей женской силы, Анна къ нему относилась какъ къ дядѣ и хозяину. Но сейчасъ этого уже не было.

— Нечего дѣлать, Анночка, такъ вышло. Мнѣ завтра въ городъ ѣхать.

Анна усмѣхнулась.

— Что-жъ такъ скоро?

Матвѣй Мартынычъ счелъ умѣстнымъ перемѣнить разговоръ.

— Анночка, возьмись за ейныя ножки.

Обдаваемая чадомъ, Анна молча помогла ему. Слегка потемнѣвшій бокъ свиньи легъ на аспидно-серебряный пепелъ, другой выступилъ въ своей жалкой нетронутости: сквозь бѣлесую щетину просвѣчивала розовая шкура.

Жизнь ушла уже. Все-таки въ этой розовости Анна признала и нѣчто знакомое. Это была, хоть и мертвая, все-таки та-же Матрена, которую она кормила, которая узнавала ее, когда она являлась въ хлѣвъ, и чьихъ поросятъ съ такой предательской заботливостью она выхаживаетъ и по сей часъ.

Матвѣй Мартынычъ подкинулъ соломы. Вновь легкій огонь метнулся вдоль туши. Вновь затрещала щетина. Понесло паленымъ.

— Эхъ ты, воинъ, сказала Анна. — А еще хозяинъ.

И отошла.

Всѣ церемоніи надъ зарѣзанной протекли правильно, всѣ дѣйствія кончены, и на утро Матвѣй Мартынычъ въ жеребковой дохѣ, подтянувъ ее поясомъ, чѣмъ свѣтъ (а поля снѣжныя еще налиты ночнымъ сумракомъ, хмуро синѣютъ, и въ глазахъ при взглядѣ на нихъ текутъ свѣтлыя запятыя) — уже выѣхалъ въ городъ.

Безъ него все шло такъ-же, какъ и при немъ, какъ должно было идти и какъ дай Богъ чтобы шло и впредь. Марта и Анна молчаливо работали, Анна особенно теперь не торопилась съ разговорами. Марта ничего противъ не имѣла — считала, что такъ даже больше сработается.

Но на другой день произошло небольшое событіе, котораго Марта никакъ не могла предвидѣть. Началось все очень обычно. Заѣхала въ санкахъ Леночка Немѣшаева. Увидѣвъ ее на дворѣ, Марта съ неудовольствіемъ подумала, что сейчасъ придется ставить самоваръ, доставать леденцы и варенье — вообще заниматься ненужными пустя-

ками. «Вотъ дѣлать-то кому нечего... Знай себѣ разъѣзжаютъ!»

Но Леночка, рѣзво пробѣжавъ по двору въ ловкихъ своихъ валенкахъ, сразу сказала, что и заходить не будетъ. Въ санкахъ-же сидѣлъ Костя, въ шапкѣ съ мѣховыми наушниками и даже не думалъ устраивать лошадь надолго. Онъ медленно объѣзжалъ заснѣженный дворъ, чтобы стать лицомъ къ выѣзду.

Леночка быстро и оживленно сообщила, что они всего на минуту, ѣдутъ въ Конченку за докторшей — захворалъ Аркадій Иванычъ, лежитъ, кажется, довольно серьезно.

— Онъ совсѣмъ одинъ тамъ у себя, такъ неудобно... У него болѣзнь почекъ, надо компрессы, даже ванны... Да, Аничка, вамъ отъ него письмецо...

И передавъ письмо, Леночка быстро укатила въ Конченку: надо засвѣтло попасть домой.

Анна-же прочитала, слегка насупилась, ничего не сказала. Ушла наверхъ въ комнатку, сѣла къ столу, положила на столъ руки, на нихъ голову и коротко, быстро всхлипнула. Дверь она заперла. Еще и еще разъ потрясло ее рыданіе. Потомъ она высморкалась, встала, и принялась укладывать въ рваный, доставшійся еще отъ матери и потому милый чемоданчикъ нехитрыя, невеликія свои вещи.

Часа черезъ два вернулся и Матвѣй Мартынычъ. Онъ былъ не очень веселъ. Дорога утомила, въ городѣ не такъ было гладко, какъ онъ ожидалъ, тамъ сильно подголадываютъ, зарятся и злятся на деревню. Онъ сразу-же залегъ спать. Анна спустилась съ чемоданчикомъ, когда его храпъ раздавался по всему дому.

Увидѣвъ ее уже на дворѣ, Марта удивилась.

— Куда это ты?

— Въ Машистово. Аркадій Иванычъ очень боленъ.

— Въ Машистово!

— Да, отвѣтила Анна покойнѣе и даже мягче, какъ будто говорила объ обычномъ, самоочевидномъ: иначе нельзя. Конечно ... я ухожу такъ вотъ сразу, можетъ, это и нехорошо ... но онъ правда боленъ, за нимъ некому и доглядѣть.

Марта стояла молча.

— Я вѣдь его невѣста, тихо добавила Анна.

Въ полѣ она сразу почувствовала себя лучше. То, что должно было произойти, произошло, и чѣмъ проще случилось, чѣмъ скорѣе, тѣмъ и лучше. Аркадій боленъ. Вотъ, она идетъ къ нему по этому пустынному снѣгу, въ надвигающихся сумеркахъ — потому, что такъ надо, такова судьба ея. Анна хорошо знала дорогу. И чѣмъ далѣе отходила, тѣмъ яснѣе ощущала начинавшееся новое. Оно было и радостнымъ, и грознымъ, какъ этотъ предвечерній сумракъ, залегавшій свинцомъ у лѣсочковъ, вѣявшій пустыней, ночью. Анна шла быстро. Чемоданчикъ не былъ тяжелъ для ея крѣпкой руки, привыкшей къ полнымъ ведрамъ, лоханямъ, корытамъ. Грудь широко дышала. И странное, почти восторженное ощущеніе пролетало по ней, обдавая спину нѣжнымъ, но и жуткимъ холодомъ.

Она пришла въ Машистово затемно — свѣтились уже огоньки, деревня на той сторонѣ оврага пряталась въ неизслѣдимой безднѣ ночи. Усадебка Аркадія Иваныча стояла на отлетѣ. Къ ней вела нешировая дорога черезъ

верхъ этого-же оврага. По ней надо было потомъ подыматься — домъ расположенъ выше всей деревни, на юру. Фруктовый садъ выдвигался прямо въ поле, обсаженъ былъ нестарыми березами. Этотъ прямоугольникъ березъ на бугрѣ виднѣлся издали, точно легкій, стройный авангардъ нѣкоторыхъ главныхъ силъ.

Главныхъ-же силъ и вообще не было. Аркадій Иванычъ жилъ въ маленькомъ домѣ, часть земли — до революціи — отдавалъ въ аренду, другую кой какъ самъ обрабатывалъ. Но что можно было бы сказать о его жизни теперь? Развѣ то, что онъ все-таки существовалъ, что поддерживали его, по старой дружбѣ, и Немѣшаевы, и что на кухнѣ его прозябала старуха Арина.

Анна взошла на крылечко, взялась за скобу обитой войлокомъ двери — дверь безъ труда отворилась. «Какъ все тутъ настежь . . .» Анна знала домъ Аркадія Иваныча, и ей непріятно стало, что незаперта даже дверь. Она быстро раздѣлась. Изъ кабинета слабый свѣтъ ложился на крашеныя, давно не натиравшіяся половицы столовой, куда она вошла. Окна чуть запушены узоромъ снѣга.

— Кто тамъ?

Анна подошла къ полуоткрытой двери, просунула голову. На тахтѣ, у стѣны, завѣшенной ковромъ, по которому висѣли на рогахъ ружья, патронташи, старинная пороховница, лежалъ Аркадій Иванычъ. Небольшая лампа съ картоннымъ абажуромъ давала блёклый свѣтъ.

— Это я пришла, сказала Анна, съ силой выдохнувъ изъ себя слова — и вдругъ улыбнулась, всей полнотой своего умиленія и радости. — Ты боленъ, вотъ я и пришла . . .

Аркадій Иванычъ приподнялся. Въ полутьмѣ, противъ свѣта, не могъ разглядѣть влажныхъ глазъ Анны, но ея голосъ и ея разрядъ дошли.

— Какъ я радъ... я ужасно радъ.

Она къ нему подошла, поставила въ сторонку чемоданъ. Свѣжимъ зимнимъ воздухомъ на него пахнуло — здоровьемъ, молодостью отъ раскраснѣвшихся щекъ Анны.

— Ты получила мое письмо?

Анна кивнула. Глаза ея сіяли. Аркадій Иванычъ взглянулъ на чемоданчикъ.

— А это какъ-же ты...

Анна засмѣялась, быстро сняла шубейку.

— Не ждалъ гостьи. Я къ тебѣ съ вещами. Я теперь отъ тебя не уйду. Понимаешь?

Она подошла къ тахтѣ совсѣмъ близко — высокая, румяная, съ блистающими глазами. Большія красныя руки довольно ясно освѣщались лампой — она стояла передъ нимъ обликомъ силы и молодости, свѣжей, страстной жизни. Аркадій Иванычъ вдругъ ослабѣлъ. Взялъ руку Анны, припалъ къ ней лицомъ и глазами, поцѣловалъ — всхлипнулъ.

— Какъ-же ты, бормоталъ, вздрагивая подбородкомъ: какъ-же ты тамъ своихъ... латышей бросила... какъ ты сказала, они небось разсердились?

Но Анна ничего уже не могла разсказать. Губы ея дрожали, она обняла его, припала, а вѣрнѣе притянула къ себѣ, заполнила, закрыла, точно защищая. Она была въ состояніи того счастливаго бѣшенства, когда золотые токи пронзали всю ее, когда она себя уже не помнила, но

только знала, что можетъ сдвинуть камни, горы, и сейчасъ тѣло Аркадія казалось ей слабымъ и легкимъ, она могла-бъ его поднять какъ чемоданъ.

— Мой, мой ... никому не отдамъ, вылѣчимъ, опять будешь здоровый, вмѣстѣ будемъ. Мой ...

ЗИМА

Въ свое время Аркадія Иваныча дѣйствительно зналъ весь уѣздъ. Не потому, чтобы онъ былъ богатъ. Имѣньицемъ владѣлъ небольшимъ, состоялъ при дворянской опекѣ — въ учрежденіи вяломъ и невидномъ. Занималъ постъ какого-то секретаря, а жилъ больше у себя въ Машистовѣ. Часто разъѣзжалъ по ярмаркамъ, базарамъ, много охотился — и съ великимъ княземъ и съ покойнымъ Немѣшаевымъ, бывалъ на всѣхъ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, игралъ и на билліардѣ, умѣлъ и закусить, выпить, расправляя свои длинные усы и молодцевато держась въ черной суконной поддевкѣ съ кавказскимъ поясомъ — какъ-же его было не знать?

Въ городскомъ костюмѣ онъ сильно проигрывалъ. Ни воротнички, ни манжеты не шли къ его сильно загорѣлому лицу съ темными пятнышками, къ огромнымъ грубоватымъ рукамъ. Прямой воротничокъ и бѣлый атласный галстухъ стѣсняли его.

Онъ умѣлъ разговаривать и съ поденщицей, и съ учительницей и съ барыней. Былъ и женатъ, и неженатъ, смотря по взгляду. И самъ бросалъ, и его бросали — не из-

сякалъ лишь въ немъ источникъ благоволенія. Женщины это чувствовали и не были къ нему суровы.

Весь первый вечеръ онъ не могъ успокоиться. Говорилъ мало, но по его глазамъ, по тому, какъ онъ вертѣлся, какъ молча бралъ ея руку и гладилъ, Анна поняла, что онъ что-то кипитъ. Это и трогало ее, и волновало. «Чего это онъ... Что такое?»

Сама-же она сразу почувствовала себя хозяйкой, госпожей этого нехитраго холостяцкаго, однако-же насиженнаго жилья. Арина сдалась ей безпрекословно. Анна вездѣ сама чистила, убирала, привела въ порядокъ и столовую, и кабинетъ, разложила даже на письменномъ столѣ въ порядкѣ старыя накладныя и ненужные прейскуранты. Временами, перебирая его бумаги, чувствовала нѣкоторую боязнь (знала его характеръ) — не наткнуться бы на какое-нибудь письмо, на уголъ неизвѣстной и враждебной жизни. Но ничего не нашла. Зато въ столовой обнаружила слѣды иныхъ грѣховъ: бутылку самогона, даръ Похлёбкина.

— Вотъ, сказала она, подойдя къ нему, и постучала пальцемъ по стеклу: вотъ гдѣ здоровье твое — на донышкѣ!

Аркадій Иванычъ улыбнулся.

— Не судите, да не судимы будете.

Эти слова, немногія, какія зналъ онъ изъ Евангелія, Аркадій Иванычъ вспоминалъ нерѣдко — можетъ быть потому, что и себя ощущалъ небезупречнымъ и ему нравилось, что въ священной книгѣ, которую читаютъ въ церкви — даже и тамъ есть снисхожденіе къ нему.

— Судимы или не судимы, а этого зелья ты больше и запаху не услышишь.

— Жаль, сказалъ Аркадій Иванычъ серьезно.

— Ничего не жаль. У самого то да се, въ постели лежитъ... Э-э, да что говорить! Поскорѣй-бы эта докторша пріѣхала, ужъ хорошенько бы узнать что да какъ...

Аркадій Иванычъ свернулъ козью ножку и закурилъ.

— Я лежу, но довольно хорошо чувствую себя сейчасъ... Ты... и на гитарѣ не позволишь мнѣ попробовать?

Анна посмотрѣла на него. Глаза ея вздрогнули, повлажнѣли. Она сдержалась, молча встала, вышла въ другую комнату, вернулась съ гитарою и положила ее на постель.

Въ это время за окнами машистовскаго дома, надъ Серебряными и Мартыновками, начиналось то бѣлое «дѣйство», которое называется метелью, когда носятся по полямъ дикіе косяки, стучитъ, ухаетъ, наноситъ сугробы, задуваетъ ложочки, напояя воздухъ острымъ благоуханіемъ, колюче хлещетъ лицо снѣжной пылью.

На окнахъ стали налипать звѣздисто-путаные узоры. Бѣлый свѣтъ яснѣе легъ въ немолодыя комнаты машистовскаго дома съ топившейся голландской печью, старыми фотографіями на стѣнахъ, запахомъ медвѣжьей шкуры, ружей и лѣкарствъ.

Аркадій Иванычъ взялъ гитару, слегка тронулъ струны. Онѣ слабо, грустно отвѣтили. Онъ сталъ подтягивать колышки.

— Вотъ и развлекусь немножко. Не вѣчно же хворать, лежать...

Анна преданными, темными глазами на него взглянула.

— Триста цыганскихъ романсовъ... Меня у Яра от-

лично знали. Варя Панина одобряла. Всѣ триста на память зналъ.

Онъ сѣлъ повыше, подперся большой подушкой, и слабымъ полу-голосомъ, полуговоркомъ, но увѣренно началъ.

Кромѣ гитары метель ему аккомпанировала. Но въ ея порывахъ, въ безумномъ, сухомъ хлестаніи было что-то грозное. Временами такъ громыхали листы желѣза на крышѣ, ослабѣвшіе отъ времени, такъ постукивали ставни, что почти заглушали романсъ. На Анну это пѣніе нагоняло мракъ.

— И умере-еть у вашихъ ногъ. О если-бъ смѣлъ, о е-е-если-бъ могъ!»

Онъ слегка задохнулся, отложилъ гитару.

— Подъ этотъ романсъ мы съ покойнымъ Кладкинымъ сколько деньжищъ спустили...

— Ну, что тамъ вспоминать, гдѣ да сколько, сказала Анна. — Были баре, разумѣется. Денегъ не считали... сами они къ вамъ шли. Своимъ горбомъ мало что добывали.

— Вѣрно — Аркадій Иванычъ произнесъ это въ полъ-тона. — Легко пришло, легко ушло.

Анна взяла его за руку.

— Я тебя не осуждаю. Ты какъ былъ бариномъ, такъ бариномъ и остался. Мы — другіе. И теперь другая жизнь идетъ.

Она улыбнулась.

— Я тебя за то и люблю, что ты баринъ... настоящій. А что цыганокъ разныхъ любилъ, этого не люблю.

— Цыганки бывали ничего себѣ... Но я ими не занимался. Кладкинъ вертѣлся немного. Да съ ними и вообще не такъ легко. Нѣтъ, мы шальныя деньги сорили, это что

и говорить, я то не такъ, у меня много никогда не бывало, а вотъ этотъ Кладкинъ, напримѣръ...

Аркадій Иванычъ помолчалъ, потомъ закурилъ.

— Его имѣніе отсюда было верстъ пятнадцать, въ сторону Корыстова. Какъ тебѣ сказать, не то, чтобы особо знатный, родовитый, что-ли, человѣкъ, скорѣй напротивъ, происхожденія неопредѣленнаго, занимался подрядами, поднажился — и купилъ Олёсово, переѣхалъ туда съ семьей, зажилъ, я тебѣ скажу, широко. Именины, или тамъ праздникъ, то водчёнки, вина сколько твоей душѣ угодно. и наши-же помѣщики такъ у него перепивались, что потомъ ихъ на дорожкахъ олёсовскаго парка находили, или подъ кустами съ дѣвками-мананками...

— Мерзавцы. И ты такой былъ?

Аркадій Иванычъ слегка выпрямился, опираясь на подушку, по старой привычкѣ выставляя впередъ грудь.

— Я, во-первыхъ, никогда не напивался, хотя пилъ и много. Второе — женщины меня любили не за деньги.

Анна посмотрѣла на него невесело. За деньги плохо, но что его любили и не за деньги, тоже мало ей нравилось.

— Такъ вотъ этотъ самый Кладкинъ завелъ тутъ молочное хозяйство, кирпичный заводъ, и еще раскинулся нивѣсть на что, и надо тебѣ знать, что все онъ говорилъ женѣ: «надо мнѣ, Сашенька, по дѣламъ въ Москву». По этимъ то дѣламъ мы съ нимъ все къ Яру и залетали. Такъ онъ къ дѣламъ пристрастился, что и у Яра, и на бѣгахъ, и въ разныхъ другихъ злачныхъ московскихъ мѣстахъ сталъ своимъ человѣкомъ... И въ три-четыре года, подъ такіе-то романсы всѣ его деньжонки и коровы, и заводъ — и ухнули. Пытался на биржѣ играть — окончательно запутался. Все у него пропало. Имѣніе продали за долги, а

самъ онъ ужъ не знаю гдѣ сейчасъ, всю семью разметало... Какъ и насъ прочихъ, разумѣется. Что говорить — онъ вздохнулъ — мало мы чѣмъ отъ него отличались. Можетъ быть, меньше только пришлось развернуться... Ну, вотъ теперь и расплачиваемся.

— Кому ты это пѣлъ: «И умереть у вашихъ ногъ?»

— Никому. Въ прежней моей жизни я никому не пѣлъ этого такъ, какъ сейчасъ тебѣ...

Онъ вдругъ нервно и бурно провелъ пальцами по струнамъ, вздохнулъ и опять взволновался.

— Хорошо, — тихо сказалъ: что ты пришла ко мнѣ. Ахъ, хорошо...

Сквозь шумъ метели Анна различала хлопанье дверей, голоса въ прихожей. Заглянувъ туда, увидѣла невысокую фигуру въ свитѣ, укутанную платками, такъ забѣленную снѣгомъ, что въ полутьмѣ рѣзко она выдѣлялась. Арина помогала ей раздѣться. Снѣгъ мокрыми хлопьями летѣлъ съ косынокъ, съ воротника свиты. Пріѣзжая добралась, наконецъ, до носового платочка и старательно обтерла имъ рѣсницы, тоже густо залѣпленныя. Нѣсколько оправившись, оказалась полной, довольно красивой женщиной съ карими глазами и преувеличенно румяными отъ метели щеками.

— Меня чуть не занесло. Ну и метель... А, это вы... — она протянула Аннѣ руку: ко мнѣ Леночка заѣзжала, но я была въ разъѣздахъ, а потомъ эта метель, — только сейчасъ могла выбраться.

Несмотря на долгую ѣзду въ полѣ (подъ окномъ ку-

черъ поворачивалъ запотѣлую пару гусемъ въ пошевняхъ) отъ Марьи Михайловны, кромѣ свѣжести молодого тѣла, пахло еще іодоформомъ — духами медицины. Поправивъ темные волосы, слегка покачивая полнымъ станомъ, она увѣренно прошла къ Аркадію Иванычу — какъ не быть ей увѣренной! — жизнь ея, земскаго врача, въ томъ и состояла, что или она принимала у себя въ Конченкѣ, или ѣздила куда нибудь по вызову: тѣмъ-же ровнымъ и покойнымъ шагомъ входила эта румяная женщина и къ помѣщику, и къ мужику, и къ мельнику и къ совѣтскому владыкѣ.

Увидѣвъ ее, Аркадій Иванычъ слегка смутился, запахнулъ воротъ рубашки. Но по всему лицу, какъ вѣтерокъ, пронеслось дуновеніе удовольствія: пріятно было ее видѣть, Анна замѣтила это. Привычнымъ своимъ докторскимъ взглядомъ замѣтила и Марья Михайловна, но другое: потускнѣвшій цвѣтъ его лица, вялую руку, припухлость подъ глазами. Разумѣется, виду не подала, что замѣтила. Но въ добросовѣстномъ сердцѣ, тоже чужими лѣкарствами ужъ пропитавшемся, все это сложила.

Она сѣла рядомъ, занявъ почти все кресло. Докторскій запахъ медленно и неукоснительно распространялся отъ нея. Аркадій Ивановичъ взялъ ея руку, наклонился, и осторожно поднесъ къ губамъ. Поцѣловавъ, не выпустилъ, продолжалъ слегка гладить.

— Теперь надо намъ заняться здоровьемъ, поговорить и поизслѣдовать васъ, сказала Марья Михайловна и спокойно отняла руку.

Анна вышла. Аркадій Иванычъ продолжалъ смотрѣть на пріѣзжую тѣмъ-же ласковымъ взоромъ — Марья Ми-

хайловна отлично все это знала, но въ теперешней обстановкѣ даже не улыбнулась.

— Точно выпилъ хорошаго вина. Знаете, глотокъ Марго . . .

Марья Михайловна вздохнула.

— Глотковъ было достаточно. Столько глотковъ, прибавила, вновь всматриваясь въ нездоровое тѣло его руки, что и за нашимъ братомъ пришлось посылать . . .

Анна не входила. Исповѣдь тѣлесныхъ слабостей протекала безъ нея. Лишь часть того, что въ немъ происходило, могъ разсказать словами этотъ длинный человѣкъ. Зналъ только слѣдствія: ночью тяжко дышать. Тамъ-то больно. Пухнутъ ноги . . . Марья-же Михайловна прохладными, безстрастными глазами точно-бы производила сыскъ. Въ этихъ почти дѣвическихъ глазахъ была невинность, какъ бы равнодушіе — они и открывали ей тайну тѣла немолодого мужчины, въ безразличіи, лишь легкомъ вздохѣ.

Анна стояла въ столовой, прислонившись лбомъ къ стеклу. Метель лѣпила неустанно. Теперь почти ужъ ничего нельзя было разглядѣть въ ея вихрѣ — иной разъ мелькали мчавшіяся куда-то, простираемыя мучительно вѣтви березы, потомъ опять тонули въ сухомъ молокѣ. Овчарка прокатилась по дорожкѣ съ раздутымъ, патлатымъ хвостомъ. Анна упорно разсматривала нараставшіе хлопья на стеклѣ . . . «Умирать будетъ, такъ безъ женщины не помретъ . . .» Снѣгъ налипалъ и вкось, и прямо. Звѣзды сливались, образуя почти сплошной узоръ, сквозь который сочился бѣлесый свѣтъ. «То говоритъ, что хочетъ все по хорошему, по Божію, а то и больной . . .»

Анна рѣзко оторвалась, подошла къ двери, за которой

было тихо. Вотъ онъ слегка застоналъ. Кровать скрипнула. «Покойнѣе, такъ, хорошо. Тутъ болевыхъ ощущеній нѣтъ?»

Анна затихла. Вой метели, чуть пріоткрытая дверь, сдержанные голоса и все это простое, будто столь обычное дѣло, представились необычайно жуткими. Холодноватая струя, тянувшая отъ окна, почувствовалась ледяной. «Онъ тяжело, онъ очень тяжело боленъ. Какъ у нихъ тихо . . .»

Она отошла, сѣла къ столу. Подперевъ голову руками, уставилась на висѣвшее на стѣнѣ деревянное блюдо съ рѣзною головою оленя. Блѣдный отсвѣтъ лежалъ на его узкой мордочкѣ, на рогахъ. Глаза были полузакрыты. Мертвенная скорбь въ нихъ. «Какая я дрянь, какая дрянь!» Анна хлопнула рукою по столу.

Когда черезъ нѣсколько времени Марья Михайловна вышла изъ кабинета, ее поразилъ видъ Анны.

— Что вы?

Анна пыталась что-то сказать, но не особенно удачно. Голубые-же глаза Марьи Михайловны были какъ всегда покойны.

— Гдѣ-бы мнѣ помыть руки?

Анна покорно повела ее въ свою комнату, покорно лила изъ кувшина воду. Марья Михайловна сбоку на нее взглянула ровнымъ, фарфоровымъ взглядомъ.

— Вы ему близкій человѣкъ?

— Да. Я теперь тутъ живу.

Марья Михайловна неторопливо хрустѣла мокрыми руками, потомъ вытирала ихъ полотенцемъ. Въ ея коротко стриженыхъ смоляныхъ волосахъ, въ этихъ бѣлыхъ ру-

кахъ, не знавшихъ грѣха, во всемъ полномъ тѣлѣ было нѣчто подавлявшее. Анна задохнулась.

— Вамъ придется съ нимъ много ... повозиться.

— Какая у него болѣзнь?

— Нефритъ.

— Это что значитъ?

Марья Михайловна объяснила. И прибавила, что ему надо дѣлать ванны. Анна вдругъ перебила:

— Онъ умретъ?

— Нѣтъ, почему-же ... при хорошемъ уходѣ вполнѣ излѣчимо.

Анна замолчала. Ванны нѣтъ, о чемъ же говорить?

Остатокъ дня она безмолвно дѣйствовала по дому, но мысль о ваннѣ не оставляла. Гдѣ-бы достать?

Аркадій Иванычъ не велѣлъ пускать домой Марью Михайловну по такой погодѣ. Онъ нѣсколько вообще оживился. Больше обычнаго разговаривалъ.

— Куда тамъ ѣхать, я вамъ скажу, мы съ покойнымъ Балашовымъ разъ въ такую метель чуть вовсе не пропали.

Ему пріятно было вспомнить, разсказать, какъ возвращаясь съ дальней облавы они заблудились у самаго Машистова и проплутали всю ночь.

— ... Дорогу мы потеряли, лошадей бросили, изволите-ли видѣть, лошади стали, а мы шубы поснимали и въ однѣхъ курткахъ пробивались. Кучера и потеряли — въ нѣсколькихъ шагахъ пропалъ! Его потомъ нашли въ ложочкѣ замерзшимъ. Балашовъ отморозилъ руку, я легче отдѣлался ... И вообразите, когда стало свѣтать, мы оказались на плетнѣ у крайней машистовской риги ... Какихъ нибудь двухсотъ шаговъ до дому-то не дотянули. Нѣтъ, куда это я васъ въ темнотищу отпущу. Не модель.

...«Если бы въ Мартыновкѣ была ванна, тогда что-же, конечно, добѣжала-бы. Ну, тамъ они сердятся не сердятся, ужъ достала-бы. Въ деревняхъ кругомъ ни у кого нѣтъ. Развѣ у Марьи Гавриловны въ Серебряномъ, дѣтская...»

Марью Михайловну Анна положила на свою постель, сама легла на диванѣ.

— Вы не волнуйтесь, заранѣе духомъ не падайте, говорила прiѣзжая, раздѣваясь: постараемся все сдѣлать, чтобы его поскорѣе поднять.

— Да, конечно, да... — какъ будто даже равнодушно отвѣтила Анна. — Постараемся.

Марья Михайловна раздѣлась съ основательностiю, спокойствiемъ. Задула свѣчу, привычно легла въ привычно-холодную постель. Анна про себя прочла «Отче нашъ». Нынче чувствовала она себя особенно одинокой. Метель не унималась. То слабѣй, то бурнѣй налетали ея шквалы. Не было-ли это какимъ-то морскимъ странствiемъ, на немолодомъ кораблѣ, поскрипывавшемъ, дрожавшемъ, въ мѣру многихъ лѣтъ едва сопротивлявшемся? Впрочемъ, качки не чувствовалось. Анна и Марья Михайловна лежали недвижно, на спинѣ, какъ въ гробахъ.

Аркадiй Иванычъ сегодня заснулъ. Изъ его комнаты ни стоновъ, ни вздоховъ не слышалось. Снилось ему что нибудь милое прежнее? Или теперешняя Анна?

— Я вѣдь васъ такъ поняла, сказала въ темнотѣ прiѣзжая: что вы его невѣста?

— Да. Я ушла сюда отъ родныхъ.

— Вамъ надо быть терпѣливой.

— Я знаю.

Марья Михайловна вздохнула.

— Вы еще такъ молоды...

— Это ничего не значитъ. Я его люблю, твердо сказала Анна.

— Намъ, врачамъ, приходится видѣть много тяжелаго. Не говорю ужъ о теперешнемъ времени, о революціи, но и всегда то мы окружены бѣдами. Иногда очень устаешь...

— У васъ есть дѣти?

— Двое.

— Вы ихъ очень любите?

— Понятно.

Анна помолчала, вдругъ сказала:

— Любовь страшная вещь.

Марья Михайловна подняла голову. Анна зажгла спичку, закурила. Она полулежала на своемъ диванѣ, подперевъ голову рукою. Красноватое сіяніе отъ папироски трепетало на ея лицѣ. Что то тяжелое, упрямое было въ самой позѣ.

— Страшная вещь. Всего съѣдаетъ. Вотъ какъ эту спичечку — тлѣетъ, золотится... — а тамъ и вся перетлѣла, ничего не осталось.

Марья Михайловна усмѣхнулась.

— Ну ужъ это вы... Я сама была замужемъ, и тоже любила, но такого страшнаго ничего не испытала.

— Вы честная докторша... А замѣтили, что вы нравитесь Аркадію? Несмотря на болѣзнь?

— Что вы, о чемъ говорить...

— О томъ, продолжала Анна. — О томъ самомъ. Ему всѣ красивыя нравятся, вотъ о чемъ. Ему всѣхъ подай.

Начался разговоръ о любви. Анна высказывала мысли странныя, для Марьи Михайловны совсѣмъ непріемлемыя. Напримѣръ, что когда ревнуешь, то вполнѣ можно убить,

и она бы не удивилась, если бы ее убили. «Странная дѣвушка», думала Марья Михайловна: «искаженное направленіе мыслей . . . а съ виду такая здоровая». Анна-же утверждала, что она удивилась-бы, даже ей стало-бы непріятно, если-бы любимый человѣкъ, при ея измѣнѣ, не убилъ-бы ее.

Марья Михайловна не возражала. Всѣмъ своимъ честнымъ тѣломъ, красивыми глазами и прохладно-гуманитарною душой она отрицала «такое». Мягко относясь къ людямъ, подумала, что вѣрно Анна многое перенесла.

— Мнѣ одна женщина разсказывала, она очень любила. А онъ ей всегда измѣнялъ . . . онъ при томъ еще женатый былъ. Это тянулось десять лѣтъ. И знаете, она всѣ десять лѣтъ страдала, а потомъ онъ умеръ. Она мнѣ и говоритъ: «теперь я покойна. Подъ землей ужъ онъ мнѣ не измѣнитъ». Вотъ что значитъ ревность . . .

— Это была сумасшедшая и злая женщина.

— Да, навѣрно . . . Всѣ мы сумасшедшія.

Анна вдругъ смолкла. Нѣсколько времени все было тихо. Она не курила больше. Легла ничкомъ. Вдругъ привычное ухо Марьи Михайловны уловило рыданія.

— Анна?

Въ темнотѣ рука хлопнула по подушкѣ. Несмотря на то, что подъ шубою было тепло, а въ комнатѣ холодно, Марья Михайловна добросовѣстно встала, подошла къ дивану. Анна, дѣйствительно, плакала. Утѣшительница сѣла рядомъ, стала гладить ей затылокъ, цѣловать его.

— Не думайте, что я такая дрянь . . . Ну, я конечно дрянь, но все-же не такая. Я вамъ клянусь, вотъ святымъ

Божіимъ крестомъ, если-бъ сейчасъ моя жизнь потребовалась, для его спасенія и счастья, я-бъ минутки не подумала... Но этого не нужно. А выносить, чтобы онъ съ другими ласковъ былъ и къ другимъ-бы стремился, я все равно не могу... такая родилась.

...Ахъ, я вамъ, почти незнакомой женщинѣ такія вещи разсказываю, но мнѣ нынче очень страшно, очень грустно, такъ тяжело, некому сказать... Я всю жизнь одна была. Да, я много видѣла. И всегда мнѣ казалось, что скоро я умру.

Она сѣла и даже прижалась къ Марьѣ Михайловнѣ.

— Какой вѣтеръ, какая метель! Хоронятъ насъ. Я вспоминаю — я еще дѣвочкой, въ такую-же ночь... тогда вотчимъ маму избилъ... я его хотѣла сначала зарѣзать... а потомъ рѣшила — лучше сама помру... и вотъ такъ ночью въ метель форточку отворила, высунулась почти голая, все думала простужусь, помру... и выжила... а потомъ и мамочка умерла, я одна осталась, въ чужихъ людяхъ... Будто бы у дяди съ тетей и сейчасъ живу, работаю. Нѣтъ, я это все бросила. Я Аркадія полюбила, я его навсегда полюбила, вы не слушайте, что я иной разъ подлости горожу, онъ слабый человѣкъ, но такой хорошій, такой ласковый, какъ никогда еще никто со мной не былъ. А я стерва... Что онъ мнѣ плохого сдѣлалъ? Я по сумасшедшему своему характеру сама все на него выдумываю. А вотъ теперь онъ боленъ.

Анна остановилась. Марья Михайловна чувствовала себя во второй бурѣ. Первая бушевала за стѣнами, сѣкла снѣгомъ, продувала ледяными струями старый домъ, отъ нея зябли ноги. Вторая огнемъ крутила тутъ-же рядомъ.

Отъ нея слезы медленно стекали по гуманитарному лицу.

Вдругъ Анна схватила ея руки, стала цѣловать.

— Спасите его, помогите... спасите. Я знаю, онъ ужасно боленъ, но спасите...

— Успокойтесь, ничего, все обойдется.

Немѣшаевы размѣстились въ Красномъ домикѣ, своемъ бывшемъ флигелѣ, съ тою простотой и непринужденностью, точно и всегда тамъ жили. Леночка завѣдывала библіотекой (болѣе финтила въ большомъ домѣ съ пріѣзжими). Муся откровенно ничего не дѣлала. Костя работалъ.

— Я бы, конечно, съ удовольствіемъ дала вамъ для Аркадія ванну, говорила Марья Гавриловна, помѣшивая на печуркѣ пшенку (лѣниво, но такъ-же спокойно, точно всю жизнь этимъ только и занималась): но дѣло въ томъ, что наша ванна, въ которой мы еще дѣтей купали, ужъ не наша. Вы понимаете?

Она поправила накинутую на плечи шубенку, пустила струю табачнаго дыма и привѣтливо взглянула на Анну карими глазами.

— Вамъ придется обратиться къ Похлёбкину. Чухаева изъ предсѣдателей уже выставили... слишкомъ, оказывается, самъ буржуй. А этотъ еще держится... Пьянствуетъ съ новымъ предсѣдателемъ, да въ Народномъ домѣ на сценѣ играетъ. Попробуйте къ нему обратиться... Да онъ, кажется, къ вамъ и не совсѣмъ равнодушенъ былъ... — Она слегка усмѣхнулась: тѣмъ лучше. Такъ, такъ... Аркадій бѣдный все страдаетъ... ахъ-а-ха...

Мнѣ и Марья Михайловна говорила. Навѣщу, навѣщу, жаль мнѣ его.

Выйдя во дворъ, Анна поднялась по ступенямъ стекляннаго подъѣзда. Туда входили и выходили мужики въ свитахъ, въ бараньихъ тулупахъ, тяжелыхъ шапкахъ. Пузатыя лошадёнки, съ монгольскими вихрами, патлами, жевали у комяги кормъ въ подвѣшенныхъ къ мордамъ мѣшочкахъ. Анна бывала въ этомъ домѣ еще когда Немѣшаевы въ немъ жили, когда былъ здоровъ Аркадій ... И встрѣтились то они здѣсь. Да, но сейчасъ все другое. Некогда объ этомъ даже думать, пришло — ушло, нужно ей только одно, свое.

Мокрые слѣды вели въ залу. Тамъ стоялъ синеватый туманъ, ѣдкій запахъ махорки, полушубковъ, отсырѣвшихъ валенокъ. Въ комнатахъ справа за столами строчили бѣлобрысые писаря. Мужики, бабы покорно ждали.

Анна нашла Похлёбкина въ дальней комнатѣ на антресоли, онъ былъ chez soi, въ своемъ «рабочемъ кабинетѣ» (тамъ-же, впрочемъ, и спалъ). Въ данную минуту Похлёбкинъ подзубривалъ роль. Вечеромъ ему предстояло выступать въ Народномъ домѣ.

Увидѣвъ Анну, онъ искренно обрадовался.

— Рѣдкій гость, милости прошу садиться, давненько не приходилось видѣть ...

Онъ былъ отчасти одушевленъ самогономъ, недопитая бутылка выглядывала изъ-подъ этажерки.

— Ахъ какое дѣло, Аркадій Иванычъ больны ... Жалко, жалко ... Ну, Богъ дастъ, весной съ нимъ опять на тягу закатимся ... Такъ вы говорите ванну? Оно конечно ...

Похлёбкинъ задумался.

— Ванночка тутъ внѣ разсужденія имѣется — еще не-

мѣшаевская. Дѣло-же однако въ томъ, что у насъ новый предсѣдатель... онъ самъ-то ничего, живетъ рядомъ со мной въ комнатѣ, да женатъ, дитя имѣется, развелъ, знаете-ли, всю эту брачную анатомію, ему для дитёнка не понадобилось-бы, а то разумѣется для такого случая... съ возвращеніемъ по минованіи надобности... — это уже безо всякихъ... и никакихъ рябчиковъ.

Похлёбкинъ вскочилъ, блеснулъ лоснившимися, въ угряхъ, щеками, на ловкихъ ногахъ въ обмоткахъ выскочилъ посовѣтоваться съ разводителемъ брачной анатоміи.

«Артистъ», подумала Анна хмуро. Но сейчасъ ничто не занимало ее: ни Похлёбкинъ, ни тихій, бѣлый снѣгъ, лежавшій за окномъ въ паркѣ пухлой и такой нетлѣнной пеленою. Ей нужна была ванна.

Артистъ не сразу добился просимаго. Брачная анатомія сперва заупрямилась. Пришлось привести ее къ себѣ. Анна была такъ покойна, такъ мрачна и такъ безконечно увѣрена, что возьметъ,—что молоденькій предсѣдатель, только что назначенный изъ города, не устоялъ.

— Ну, ладно, Андрюшку въ корытѣ помоемъ.

И черезъ четверть часа тотъ-же Похлёбкинъ погрузилъ небольшую ванну въ салазки, попробовалъ, горестно хлопнулъ себя по боку.

— Ничего, сказала Анна: довезу, я сильная.

— Э-эхъ, была-бъ лошаденка, я бы вамъ съ нашимъ удовольствіемъ...

Въ качествѣ артиста и любезнаго человѣка онъ помогъ, однако, и самолично: довезъ салазки до парка. Анна поблагодарила, дальше пошла одна. Она просто впряглась, бичевка охватывала ея животъ. Наклонивъ верхнюю часть тѣла, наваливаясь, она медленно везла свой грузъ. Ванна

подраґивала, на ухабахъ накатывалась, издавала иногда глухой звонъ. Паркъ Серебряного былъ сейчасъ очень серебрянъ, весь въ инеѣ, въ тихомъ обвороженіи, густо и сонно заметены его аллеи. Гдѣ-то сквозь облака слегка сочится солнце. Не солнце, а блѣдный на него намекъ, добрый знакъ — не вполнѣ міръ осиротѣлъ. Но и отъ знака ужъ искрятся по полямъ и въ тишинѣ парковскихъ аллей удивительные алмазы, нѣжно и мелко переливаютъ. Они даютъ снѣгу тонкую, нежизненную жизнь, и загадочно стрекочутъ въ этой жизни перепархивающія сороки.

Анна не очень-то все это замѣчала, все-таки тишина, блескъ полей страннымъ образомъ дѣйствовали на нее — погружали въ особенное бытіе.

Тяжко шагала она по скрипучему, иногда зеркальному накату дороги съ кофейными пятнами. Рѣжущій вѣтерокъ, ослѣпительность снѣга, далекій лай собаки... Ни Аркадія, ни себя, ни груза: такъ она съ нимъ и родилась, привычно шагаетъ.

Спустившись въ ложокъ къ мостику, она должна была подняться на крутой бокъ оврага. Здѣсь намело сугробъ. Видно было, что и лошади протыкались по брюхо. Аннины салазки никакъ впередъ не подавались, и сама она вязла. Сколько ни билась, двинуться впередъ не могла. Тогда рѣшила ждать — кто нибудь проѣдетъ, подвезетъ.

Ждать пришлось недолго. Анна была нѣсколько даже удивлена, когда на бугрѣ, выше себя, прямо на блѣдномъ небѣ, точно онъ съ него спускался, увидала знакомаго гривастаго коня, розвальни и доху Матвѣя Мартыныча.

Еще больше удивился самъ Матвѣй Мартынычъ. Онъ рѣзко остановилъ лошадь.

— Анночка, ты что здѣсь дѣлаешь? И-съ ванной?

Онъ быстро подбѣжалъ, проваливаясь на ходу въ снѣгъ сугроба.

Его квадратное лицо раскраснѣлось отъ мороза, на усахъ ледяшки, глаза живы и возбуждены.

... — Сама на себѣ тащишь эту ванну?

Анна объяснила. Онъ взялъ ея руки, сталъ грѣть въ своихъ рукавицахъ. Голосъ его вдругъ дрогнулъ.

— Анночка, ты отъ насъ ушла... знаю, я ничего тебѣ не говорю, Анночка. Я все и-хотѣлъ къ тебѣ заѣхать, да Марта говоритъ: ну, ушла, значитъ, мы ей ненужны...

— Я ушла не потому. Я тетѣ говорила.

— Ну, знаю, знаю.

Анна устало сѣла на край ванны.

— Я ничего противъ васъ сдѣлать не хотѣла...

— Ахъ, что тутъ сказать... ты молодая дѣвушка, онъ и-всегда дѣвушкамъ нравился.

Матвѣй Мартынычъ говорилъ быстро, смѣсь волненія, грусти и почти даже восторга сквозила на его простомъ лицѣ — онъ дѣйствительно радъ былъ встрѣтить Анну, это она чувствовала.

— Ладно, ладно, говорилъ впопыхахъ: эту ванную мы сейчасъ на мои санки, я коня повертаю, что тутъ подѣлаешь, я тебя у Машистово вполнѣ доставлю.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ погрузили они ванну, конь рванулъ, и не безъ труда, храпя, фыркая, чуть не порвавъ шлеи, вынесъ на изволокъ.

Матвѣй Мартынычъ посадилъ Анну на облучекъ, самъ шелъ рядомъ и все держалъ ея руку. Онъ былъ очень взволнованъ. Говорилъ торопливо, маленькіе его глазки сверкали, иногда видѣла въ нихъ Анна, глядѣвшая пристально и внимательно, даже нѣчто похожее на слезу.

— Я безъ тебя совсѣмъ соскучилси... даже я не думалъ, что такъ привязалси... Я все хожу, все по свиньямъ хожу, и все думаю: гдѣ-то моя Анночка? Ну, конечно, я понимаю... А я хожу по свиньямъ, то я и думаю: почему она не меня любитъ?

Анна усмѣхнулась.

— Что вы говорите... Что бы это было, дядя! Ужъ и теперь Марта...

— Ну, конечное дѣло, Марточка моя супруга, я вѣдь и не говорю, я честный латышъ, всегда былъ честный, а все-жь таки въ головѣ мысли...

— Мысли надо гнать, сказала Анна. — Мало-ли у кого какія мысли.

ПУТЬ

Марья Михайловна сидѣла въ столовой у стола. Анна за самоваромъ. Въ окнѣ блѣдно-синѣли сумерки. Дальніе снѣга смывались въ нихъ и какъ бы таяли.

Отъ самоварнаго пара окно стало слегка запотѣвать. Угли краснѣли сквозь рѣшеточку мѣднаго поддувала.

Передавъ чашку Марьѣ Михайловнѣ, Анна правой рукой взяла со стола большой конвертъ, повертѣла его, опять положила. Глаза ея были красны.

— Этотъ пакетъ пришелъ третьяго дня. Все тутъ и валяется. Знаете, что въ немъ?

Марья Михайловна подняла глаза.

— Нѣтъ.

— Тульская консисторія извѣщаетъ Аркадія Ивановича, что разводъ оконченъ.

Она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Мы могли-бы теперь обвѣнчаться.

Она зажгла спичку, закурила, минуту помолчала. Огонекъ отсвѣчивалъ въ углахъ глазъ, гдѣ остановилось по слезѣ.

— Я давно чувствовала . . . а когда вы велѣли его остричь, и совсѣмъ поняла. Онъ для меня стриженый сталъ

немножко другимъ... въ родѣ какого-то бѣднаго татарина. Я все на него смотрѣла и думала: «это вотъ онъ и есть, Аркаша, кого люблю».

Она встала, подошла къ полуоткрытой двери, прислушалась. Въ домѣ было тихо. Но особая, нечеловѣческая тишина шла изъ этой комнаты.

Анна вернулась.

— Онъ былъ со мной какъ ласковъ! Знаете, по ночамъ, когда такъ ужасно задыхался... несмотря на эти ванны! — я ему растирала грудь, спину... будто легче становилось. Онъ все мнѣ руку цѣловалъ, и такъ глядѣлъ на меня... Еще третьяго дня, я подошла, онъ взялъ мою руку, поднесъ къ глазамъ, сталъ по вѣкамъ водить. Что это онъ хотѣлъ выразить? А мнѣ сказалъ, тихо, но внятно: «я очень радъ, что ты здѣсь со мною. Я... тебя — Анна запнулась: очень люблю».

— Слава Богу, что вы могли съ нимъ теперь быть.

— Да. Я и всегда съ нимъ буду... Да, онъ еще говорилъ, раза два, знаете, его любимое, онъ и здоровый это повторялъ нерѣдко: «не судите, да не судимы будете». Онъ все считалъ себя большимъ грѣшникомъ, и что его пожалѣть надо.

Вошла Арина.

— Ну, что, Анна Ивановна, я Семену говорю: дядя Семенъ, тамъ сосна-то у васъ срѣзана и досточки напилены, попроси мужичковъ, поклонись, что молъ уступите намъ для гробика. Онъ хоть баринъ длинный былъ, на него, конечно, доска идетъ порядочная, да вѣдь и сосёнка то изъ ейнаго-же сада. Понятно садъ теперь обчественный, а вы молъ все-таки уважьте. Ну, ничего, уважили. Дядя Семенъ гробокъ ладитъ. Даже завтра пойдутъ могилу рыть.

— Его не только ваши, а и по округѣ мужики любили, сказала Марья Михайловна. — Всѣ жалѣютъ.

— А чего онъ злого дѣлалъ? За что его нелюбить? Настоящій баринъ, видный...

Арина слегка сапнула носомъ.

— Раньше своихъ лѣтъ скончались...

Анна встала, направилась въ его комнату. Арина кивнула на нее.

— Ну, какъ-же такъ не убиваться... Жениться хотѣлъ, честь честью...

Анна довольно долго пробыла тамъ. Когда возвратилась, въ столовой было почти темно. Самоваръ скупо бурлилъ. Краснѣли его угольки.

— Я опять у васъ переночую, сказала Марья Михайловна.

— Благодарю васъ.

И онѣ провели вмѣстѣ этотъ зимній вечеръ. Въ комнатѣ Аркадія Иваныча зажглись двѣ свѣчи, а онѣ долго сидѣли въ той-же столовой, затопивъ голландку и не зажигая огня. Анна не закрыла дверецъ печки, и веселый, красно-золотой огонь танцовалъ, прыгалъ по полѣньямъ, дрожалъ пятнами по желѣзному листу, по полу, обоямъ. Говорили мало. Обмѣнивались нѣсколькими словами. Вспоминали ушедшія мелочи.

Взошелъ мѣсяцъ. Его свѣтлые ковры, полные легкаго дыма, легли изъ окна, медленно переползали по полу, одѣли уголъ стола, спустились по ножкамъ, подбирались къ шахматному столику въ простѣнкѣ.

Около полуночи Марья Михайловна объявила, что пора спать.

— Вамъ надо именно заснуть, сказала она Аннѣ.

Потомъ обняла ее, прижалась полной щекой къ ея шеѣ, шепнула:

— Я знаю, я все знаю... Все таки, надо силы беречь. Я вамъ дамъ снотворнаго.

— Хорошо, покорно отвѣтила Анна. Но передъ сномъ мнѣ хочется пройтись. Я вернусь скоро.

И надѣвъ шубку, она вышла въ сѣни.

Дверь, какъ и тогда, когда впервые, съ чемоданчикомъ вошла она въ этотъ домъ, была незаперта. Но теперь это не удивило и не огорчило ее.

Она пошла по дорожкѣ, протоптанной въ саду по тому краю, откуда снѣгъ сдувало, его было тутъ немного. Слабо, но таинственно гудѣли березы, окаймлявшія четырехугольникъ фруктоваго сада. Анна дошла до конца. Дальше начиналось поле съ дорогою у самой канавы.

Тусклое поле сіяло, мрѣло въ блѣдно-опаловомъ свѣтѣ. Мѣсяцъ въ радужномъ кольцѣ недосягаемо бѣжалъ за облаками.

Было тихо. Лишь собака очень, очень далеко, точно съ того свѣта, глухо лаяла. Ясно виднѣлся паркъ Серебрянаго и лѣсъ направо.

Аннѣ стало немного холодно. Не отдавая себѣ отчета, она обернулась. Въ домѣ свѣтилось одно окошко.

...Можетъ быть, онъ былъ и тутъ, въ этомъ лунномъ дыму, можетъ быть, чтобы достать, досягнуть до него, разлившагося невѣдомымъ свѣтомъ, надо еще куда-то дальше пройти, въ неизвѣстную комнату...

Донеслось поскрипываніе полозьевъ. Анна вновь перевела взоръ на дорогу. Такъ когда-то ждала она его у сада въ Мартыновкѣ, осенью, но тогда слабо позвякивали дрожки. Теперь все яснѣе скрипѣли розвальни. Была видна уже

лошадь, шедшая средней рысью. Анна спустилась на дорогу. Лошадь вдругъ захрапѣла, заиграла ушами и перешла на шагъ. Потомъ боязливо остановилась. Лежавшій въ розвальняхъ человѣкъ въ тулупѣ с ъподнятымъ воротникомъ очнулся и сѣлъ.

— Фу-ты ну-ты ... это куда-же насъ занесло?

Онъ тронулъ лошадь вожжей и обратился къ Аннѣ:

— А ты что за фигура?

— Да ничего. Просто стою.

— Вижу, что стоишь ... Фу, дьявольщина, задремалъ... да гдѣ мы это? Выселки, что-ли?

— Нѣтъ. Машистово. Здѣсь барскій садъ, а тамъ деревня.

Человѣкъ откинулъ воротъ тулупа, обтеръ короткіе усы, окончательно очухался и полѣзъ доставать папиросу.

— Значитъ, тутъ Аркадій Ивановъ живетъ?

— Да, отвѣтила Анна. — Жилъ. Онъ вчера умеръ.

— Умеръ! Скажи пожалуйста!

На пріѣзжаго это произвело непріятное впечатлѣніе. Онъ быстро чиркнулъ спичкой, сдѣлавъ руки корабликомъ зажегъ въ нихъ папиросу и взялся за рукавицы. Теперь Анна довольно ясно разглядѣла надъ короткими усами широкій носъ и маленькіе, острые глаза.

— А ты кто? спросила она.

Онъ тронулъ вожжи, ухмыльнулся.

— Померъ!! А я къ нему все собирался. Я и тебя теперь знаю ... латышова племяшка ...

— Какъ тебя звать? крикнула Анна, сама не зная почему.

Лошадь шла уже рысью. Проѣзжій обернулся и захохоталъ.

— Чай не новый годъ! Ну, изволь: Трофимомъ.

И стеганулъ коня. Анна постояла, медленно пошла домой. «Трушка, тотъ, что зарѣзалъ ефремовскую барыню!»

ОТЧІЙ ДОМЪ

Маленькій Мартынъ сидѣлъ около кровати, устраивая вокругъ особый свой міръ. Тутъ была и ферма, и коровы, барашки, палисадникъ, который можно было раздвинуть такъ и этакъ, деревья — изъ нихъ получалась, по желанію, и рощица, и ограда усадьбы. Мартынъ, мальчикъ спокойный, росшій одиноко, жилъ очень хорошо созиданіемъ и разрушеніемъ своихъ міровъ. Зимнее солнце ложилось на пестрое стеганое одѣяло родительской кровати. На полу онъ воспроизводилъ то, что успѣлъ увидать въ жизни — игралъ основательно, добропорядочно, какъ полагалось молодому Гайлису.

Хлопнула дверь въ сѣнцахъ. Потянуло холодомъ. Марта внесла ведро воды, тяжко поставила въ кухнѣ на полъ. Матвѣй Мартынычъ въ вязаной фуфайкѣ чинилъ хомутъ. Онъ сидѣлъ у стола, слегка сопѣлъ, фуфайка его теплилась въ солнечныхъ лучахъ, но не такъ горѣла, какъ пестрое одѣяло надъ Мартыномъ и его подушками.

— Марточка, ты посмотри какой у насъ Мартынчикъ умный: онъ себѣ и-сидитъ, и все у хозяйство играетъ, вотъ онъ выростетъ, то это будетъ такой дѣльный латышъ, онъ забьетъ и папашу и мамашу.

— Мамаша и такъ вѣрно скоро ноги протянетъ, сказала Марта, снимая кофту. — Коровы, свиньи, воду таскай... вчера ночью какъ сердце замирало...

Марта, дѣйствительно, имѣла видъ неважный — еще худѣе и жилистѣй чѣмъ обычно.

— Я-же конечно понимаю... — Матвѣй Мартынычъ туго стянулъ шовъ дратвой: безъ Анночки тебѣ и-плохо...

Марта ничего не отвѣтила, устало принялась засучивать рукава.

— Мнѣ намедни мужики говорили, ну и тамъ на деревнѣ... молъ Анна теперича у Конченки, у докторши пріютилась, и что-же это вы, латыши, свою дѣвку въ чужихъ людяхъ оставляете...

Марта перевела на мужа холодный взоръ. Потомъ подошла къ сыну, молча, страстно его поцѣловала. Мальчикъ обнялъ ее за шею, дѣловито обхватилъ ногами талію.

— Я такъ считаю, продолжалъ Матвѣй Мартынычъ: да и что ей теперь у докторши у этой дѣлать? Аркадій Иванычъ померши, всѣ глупости конецъ, а мы ей и-все-таки свои. Она, понятно, тебѣ то се другое дома подмогала бы...

Марта высоко подняла Мартына, солнце пробѣжало по нимъ обоимъ лучемъ мгновеннымъ и золотистымъ. Она поставила сына на полъ. Зеленоватые ея глаза блеснули.

— Ладно. Я сама пойду. Мнѣ какъ разъ и къ докторшѣ надо. Отъ этихъ тяжестей еще Богъ знаетъ чего наживешь.

Матвѣй Мартынычъ зналъ, что у нея женская болѣзнь и что, конечно, ей пора лѣчиться. Правильно было и то, что если Марта за ней пріѣдетъ, Анна скорѣе вернется.

И тѣмъ не менѣе онъ предпочелъ-бы съѣздить самъ. Возражать, впрочемъ, не сталъ.

Послѣ обѣда запрегъ лошадь въ пошевни. Марта надѣла тулупъ, рукавицы, взяла кнутъ и усѣлась поудобнѣе. Ноги закуталъ онъ ей тяжелымъ бараньимъ одѣяломъ.

День былъ морозный, лошадь въ инеѣ, синія тѣни лэжились отъ саней, отъ высокой фигуры Марты. Снѣгъ скрипѣлъ. Лошадь казалась лиловою. Ровной рысью вывезла она Марту, какъ истукана, мимо цинковаго подвала изъ усадьбы въ сверкавшее снѣгомъ поле. Въ такомъ полѣ въ январьскій солнечный день слѣпнутъ глаза!

Матвѣй-же Мартынычъ остался одинъ. Онъ былъ увѣренъ въ мудрости сына и позволилъ ему въ одиночествѣ играть у постели. А самъ взялъ двустволку, лыжи и отправился по зайчикамъ. Еще совсѣмъ недавно такъ-же могъ бы выйти и Аркадій Иванычъ, но сейчасъ онъ безмолвно лежалъ въ могилѣ близъ церкви Серебрянаго, а Матвѣй Мартынычъ благодаря его смерти испытывалъ странно-противорѣчивое чувство: искренно его жалѣлъ, не меньше того искренно волновался, что теперь вернется Анна. «Марточка ее привезетъ, это, конечно, что привезетъ, тутъ и сказать нечего, вечеромъ Анночка будетъ издѣсь», размышлялъ онъ, шагая на мохнатыхъ лыжахъ, подбитыхъ оленьимъ мѣхомъ, по горящему насту. Милліоны алмазиковъ струились и переливались въ немъ, рѣжа глазъ. Стеклянно-зеленое небо вставало надъ ложкомъ, весь онъ былъ въ синей тѣни. Шуршали коричневые листы дубовъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе. Матвѣй Мартынычъ, всматриваясь въ серебряныя цѣпочки слѣдовъ,

держа двустволку наперевѣсъ — (въ томъ орѣховомъ кустѣ отлично могъ залечь бѣлякъ) — былъ полонъ во всемъ немъ разлитого волненія-счастья. Бѣляка въ кустѣ не оказалось. Матвѣй Мартынычъ пошелъ вверхъ подъемомъ лога — тутъ оленій мѣхъ помогалъ лыжамъ, онѣ не скользили назадъ. И когда выбрался на край, вся сіяющая, слѣпящая въ солнцѣ снѣжная страна ему открылась, съ зелено-ледянымъ небомъ надъ нею, съ ломкимъ и какъ-бы хрустально-твердымъ воздухомъ. Съ дороги несся скрипъ саней, остро рѣзалъ ухо. Но больно не было. Напротивъ, радостно. Направо Серебряное и Машистово, это неинтересно. А вонъ туда, гдѣ на горизонтѣ голыя березы большака, другое дѣло: тамъ видна вѣтряная мельница, и за мельницей въ ложочкѣ Конченка...

Такъ охотился Матвѣй Мартынычъ, искалъ будто-бы бѣляковъ и ничего не нашелъ, кромѣ сіяющаго поля, кромѣ своего сердца, о которомъ не думалъ, но которое не спрашивало его, добропорядочнаго хозяина и столпа общества, какъ ему биться: билось по міровымъ законамъ плѣна, по тѣмъ самымъ, что на этихъ-же мѣстахъ владѣли Анной.

Нынѣшній день въ Конченкѣ былъ такъ-же морозенъ и лучистъ какъ и въ Мартыновкѣ. Анна шила на кухнѣ Марьи Михайловны, въ небольшомъ свѣтломъ домѣ съ окнами въ блистающее поле. Ледяной вѣтеръ несъ съ востока прозрачные уколы. Окно кухни намерзало. Рядомъ, въ комнатѣ Марьи Михайловны стояла чистая бѣлая кровать, пахло медициной, на стѣнѣ висѣлъ портретъ Михайловскаго, подъ нимъ открытки Художественнаго театра. Въ столовой играли дѣти — мальчикъ и дѣвочка. От-

туда виднѣлась черезъ дворъ больница. У ея подъѣзда нѣсколько мужицкихъ розвальней.

Анна не удивилась, увидѣвъ Марту. Правда, она о ней вовсе не думала, но и явленіе Марты представилось такимъ простымъ. Марта, оледенѣлая и закутанная, ввалилась прямо въ сѣни. Дѣти высунулись и спрятались. Марья Михайловна была въ больницѣ.

— Ну вотъ, сказала Марта, присѣвъ въ столовой, снимая рукавицы около печки. — И я пожаловала. Гдѣ-же твоя докторша?

Анна объяснила.

— Дойду и въ больницу. Мнѣ и тамъ есть дѣло.

Анна задала нѣсколько вопросовъ о Мартыновкѣ. Марта отвѣтила спокойно и дѣловито. Помолчали.

— Что-жъ ты тутъ такъ и поселиться собралась?

— Нѣтъ... не знаю. Пока, временно.

— Ну, а дальше?

Анна не отвѣтила. Побѣлѣвшія отъ мороза щеки Марты оттаивали, но вся ея худая, сильная фигура понижала температуру. Анна ощущала равнодушіе и покорность.

Марта объяснила, что за ней именно и пріѣхала. Анна держала на колѣняхъ, скрещенными, большія красныя руки. На нихъ въ задумчивости устремленъ былъ взглядъ темныхъ глазъ.

Марта держалась такъ дѣловито, увѣренно, прохладно, что Аннѣ представилось — вотъ ее, Анну, просто снесутъ, положатъ въ сани, сани-же пойдутъ куда приказано... и такъ ужъ надо.

Марья Михайловна въ больницѣ тоже не весьма удивилась Мартѣ. Добросовѣстно ее осмотрѣла, добросовѣстно дала лѣкарствъ, велѣла пріѣзжать еженедѣльно. И лишь

когда вернулась съ ней домой, и увидала Анну, какъ бы грусть прошла въ ея глазахъ.

— Такъ скоро? Нынче? Что вамъ торопиться?

— Нѣтъ, ужъ сразу, отвѣчала Анна. — Ѣдемъ.

И черезъ часъ двѣ закутанныя женскія фигуры засѣдали въ пошевняхъ, которыя бодро везъ, посапывая и похрапывая, сѣдѣя въ инеѣ, намерзавшемъ у него даже въ ноздряхъ, конь Матвѣя Мартыныча. Къ Мартыновкѣ подъѣзжали въ мглистомъ закатѣ, когда солнце развело послѣднія свои туманно-багровыя пожарища, а въ низинахъ уже залегалъ сизый, плотный сумракъ. Зима, холодъ, Мартыновка, все это было для Анны такое-же, какъ и всегда.

У подъѣзда встрѣтилъ ихъ Матвѣй Мартынычъ.

— Анночка пріѣхала! Ну я же такъ и зналъ, что пріѣдетъ. Я такъ и говорилъ.

Ошибиться онъ не могъ. Анна равнодушно вылѣзла изъ саней.

***

Въ ея отсутствіе для поросятъ отвели особый чуланчикъ, болѣе теплый и свѣтлый — одной стѣною онъ примыкалъ къ дому. Дѣти Люціи и погибшей Матрены населяли его. Они попали теперь вновь въ завѣдыванье Анны. Изъ розово-глянцевитыхъ обратились въ живыхъ, вострыхъ хрячковъ и самочекъ, погрубѣли, обросли жестковатыми волосами, указывавшими на принадлежность ихъ къ низкому царству. Когда Анна вносила имъ въ ведрѣ дымившееся пойло и выливала въ корыто, они визжали, радостно бросались къ ея ногамъ, другъ друга-же растал-

кивали не безъ наглости. Въ этомъ бойкомъ свиномъ юношествѣ Анна не могла ужъ различить, кто отъ Люціи, кто отъ Матрены, да они и сами все забыли. Недалекъ былъ часъ, когда сынъ Люціи съ не совсѣмъ честными намѣреніями подошелъ-бы къ матери.

Анну, впрочемъ, не весьма это занимало. Безразлична она была и къ выраженіямъ радости своихъ питомцевъ. Пищу носила имъ добросовѣстно, и убирала, чистила что надо. Вообще, жила обычно. Такъ-же рано вставала, такъ-же послѣ ужина подымалась къ себѣ въ комнатку встрѣчать наединѣ ночь. Надъ ея постелью висѣла фотографія Аркадія Иваныча, захваченная изъ Машистова, съ надписью, уже ослабшею рукой: «Аннѣ, на вѣчную память».

Она ложилась на свою постель какъ бы у его ногъ. Она не могла пойти въ Машистово и увидать его. Не онъ покоился сейчасъ, подъ нараставшимъ снѣгомъ, на кладбищѣ Серебрянаго. Но все-же онъ былъ тутъ. Не менѣе громадный, даже болѣе. Да, онъ не могъ уже теперь ни измѣнять ей, ни быть вѣрнымъ. Занималъ какія-то таинственныя, грозныя высоты. Разсмотрѣть ихъ и понять было нельзя. Господь давалъ ей чувствовать страшныя свои тайны.

— Все Анночка скучаетъ, говорилъ Матвѣй Мартынычъ Мартѣ. — Значитъ, все забыть не можетъ...

Марта не особенно поддерживала такіе разговоры. Матвѣю-же Мартынычу не очень сладокъ былъ мракъ Анны. Странное его волненіе расло.

— Анночка, сказалъ онъ ей однажды, около колодца, когда Марты не было поблизости: что ты? Еще такая молодая, чего тебѣ тамъ... Другого полюбишь и тебя вся-

кій полюбитъ. Ну, и умеръ Аркадій Иванычъ, да вѣдь всѣ помремъ, а пока что ты-же и у своихъ, и слава Богу все ничего, бѣдности нѣту, и развѣ мы съ тобой плохо обращаемся?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна: я довольна. Ты ко мнѣ всегда хорошъ былъ — она чуть улыбнулась.

— Чѣмъ не хорошъ! Я завсегда о тебѣ думаю... Ну, конечно, будь я молодой, холостой... Я все понимаю, я умный латышъ, Анночка. Мнѣ недавно Марта говоритъ: ты какой сталъ, я знаю, у тебя все свое на умѣ... И даже заплакала. А что у меня на умѣ, я совсѣмъ неглупый, я теперь больше не о свиней, а о тебѣ думаю.

Анна вытащила изъ обледенѣлаго колодца бадью, вылила въ ведро, сильною рукой подняла его и двинулась. Потомъ остановилась.

— Ты Марту не трогай. Особенно Марту. Не обижай. А то тебѣ-же хуже будетъ.

Матвѣй Мартынычъ удивленно взглянулъ на нее изъ подъ ушастой зимней шапки.

— Я и не собираюсь Марточку обижать...

— Собираешься не собираешься, — серьезно, и какъ-то медлительно сказала Анна: ты не знаешь. Ты самъ многаго не знаешь. Вотъ и берегись.

Эти слова произвели странное, какое-то смутное впечатлѣніе на Матвѣя Мартыныча. Цѣлый день сидѣли они въ немъ, и день казался непокойнымъ, не совсѣмъ обычнымъ. Лежа вечеромъ на супружеской постели рядомъ съ Мартой, въ темнотѣ зимней ночи вдругъ ощутилъ онъ страхъ, какую-то тоску... «И чего это она? Чего она говоритъ?» Вспоминая сейчасъ Анну, онъ испытывалъ какъ

всегда сладкое волненіе, но и другое... — Мракъ, ночь, вотъ часы тикаютъ, Марта во снѣ неровно дышитъ... «Анночка какъ туча... А я Марточку вовсе не собираюсь обижать, что такое», думалъ онъ почти съ раздраженіемъ. «Чего она меня учитъ? Я всю жизнь честно съ Марточкой прожилъ...» Заснуть ему было трудно. Вѣтеръ гудѣлъ. Ночь разверзалась. Не было предѣла ея мраку.

Утромъ Марта встала кислая, съ болями въ поясницѣ. Она собиралась къ докторшѣ. Былъ сырой день, сильный вѣтеръ гналъ съ юга оттепель. Небо въ темныхъ облакахъ почти лежало на землѣ. По двору сразу забурѣли тропки, вороны летали противъ вѣтра зигзагами, садились на скользкихъ вѣтвяхъ, тужились, каркали, и вѣтеръ взлохмачивалъ тусклый пухъ на ихъ брюхахъ.

Цвѣтъ лица Марты, выраженіе ея глазъ, круги подъ ними, замызганная свита, которую она надѣла, все очень шло къ сумрачному дню. Влага его еще сильнѣе развела всѣ свиные запахи въ Мартыновкѣ. Когда пошевни Марты скрылись за поворотомъ и Анна понесла пойло поросятамъ, мягкая теплота и кислота его особенно пронзили ее. Особенно осклизло было и въ хлѣву у поросятъ. И они сами, въ безсмысленно-животной жадности своей показались особо мерзкими. Анна прислонилась къ стѣнкѣ. Ее нѣсколько мутило. Она вспоминала о Мартѣ — и ясно представила себѣ тусклое поле съ ухабистою, сырой дорогой, ныряютъ пошевни, и каждый ухабъ, навѣрно, отдается въ утробѣ Марты... Нѣтъ, она ѣхать сейчасъ въ Конченку вовсе-бы не хотѣла. Въ этихъ бурныхъ поляхъ, оттепельно-предвесеннихъ, съ ума можно сойти. «Впрочемъ», подумала Анна: «я, можетъ быть, и вообще уже сумасшедшая». Она улыбнулась. Ей пріятно стало, что

ничто не связываетъ ее съ этимъ хлѣвомъ, съ кислымъ запахомъ, съ воронами, Матвѣй Мартынычемъ.

— Анночка, крикнулъ Матвѣй Мартынычъ, поди пожалуйста помоги мнѣ сундучекъ тутъ...

Сундукъ съ вещами Немѣшаевыхъ стоялъ у него въ сарайчикѣ. Теперь, изъ-за сырой погоды, онъ надумалъ перетащить его въ подвалъ съ цинковою крышей гдѣ, считалъ, сырости быть не можетъ, и вообще надежнѣе.

— Ты, Анночка, понимаешь... вещи чужія, время такое... Одно-два бревнышка выпилилъ, вотъ и уже ты въ сарайчикѣ. Ну, тутъ буде потруднѣй... У Матвѣя Мартыныча подвалъ знатный. Тутъ не подкопаешься... Развѣ что миной взрывать.

Сундукъ былъ не очень легкій. Онъ постукивалъ, погромыхивалъ по ступенькамъ подвала, когда Анна съ Матвѣемъ Мартынычемъ волокли его туда. Внизу горѣла уже лампа. Подъ цементными сводами, гордостью Мартыновки, было, дѣйствительно, несыро, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла лампа-молнія, даже свѣтло. Вдаль къ угламъ шли тѣни. Въ аккуратныхъ закромахъ лежалъ кормъ свиньямъ — картофель, горы свеклы, темные, вязкіе какъ-бы пряники жмыха.

— Ну вотъ и хорошо, что принесли, говорилъ Матвѣй Мартынычъ, отирая потъ. — Вотъ мы немножки теперь вынемъ и развѣсимъ, надо-бы перетряхнуть, чтобы не слёживалось, чтобы все и -въ порядкѣ было.

Анна стала вынимать вещи. Къ запаху картофеля и свеклы прибавился нафталинъ, и еще нѣжный запахъ дорогихъ мѣховъ.

— Хорошо жили, важно жили, говорилъ Матвѣй Мартынычъ, вынимая шубу покойнаго Александра Андреича.

— Барская жизнь, и все и-кончилось. Но Матвѣй Мартынычъ не завидуетъ, онъ честно все сбережетъ, вотъ онъ и старается, чтобы не смялось, не слежалось чужое добро, потому что онъ добро любитъ, онъ не мошенникъ какой-нибудь...

«Александра Андреича давно нѣтъ въ живыхъ», думала Анна, перебирая руками драгоцѣнный, черноблестящій съ нѣжными длинными ворсинками мѣхъ шубы. «Онъ лежитъ тамъ-же, на кладбищѣ Серебрянаго, гдѣ и Аркадій... Они были пріятели».

— Анночка, а я смотрю, жмыха у насъ маловато, надо будетъ мнѣ и-съѣздить...

Матвѣй Мартынычъ озабоченно отошелъ въ уголъ, едва освѣщаемый лампой. Тѣнь его безсмысленно перемѣщалась по стѣнамъ и сводамъ, принимая уродливыя очертанья.

Анна накинула на себя шубу. Какъ она легка, изящна! Мѣхъ мягко ласкалъ щеку. «Такая-же, навѣрно, была и у Аркаши. И они вмѣстѣ въ Москву ѣздили. Александръ Андреичъ тоже любилъ цыганъ». Анна на мгновеніе закрыла глаза. Точно знакомое и милое объятіе изъ иной жизни обняло ее.

«Они оба лежатъ въ Серебряномъ, но это не они. Гдѣ они?»

Ей казалось сейчасъ, сквозь закрытые глаза, съ этимъ мѣхомъ, что и она другая, сама она не тутъ. Она сдѣлала два шага впередъ. Если вотъ такъ идти...

— Анночка, тебѣ какъ хорошо и въ этой шубѣ...

Матвѣй Мартынычъ подошелъ — ея глаза были уже открыты. Онъ взялъ концы рукавовъ и скрестилъ ихъ на Аннѣ.

— Если-бы Матвѣй Мартынычъ былъ богатъ, онъ бы и тебѣ такую шубку сдѣлалъ.

— А Мартѣ?

— Ну и Марточкѣ бы конечно... Анночка, ты и въ этой шубѣ словно какъ царица...

— Ты царицъ никогда не видѣлъ, сказала Анна смутно, отсутствующе. — И царицы хлѣвовъ не чистятъ.

— Анночка, я-же знаю, что тебѣ здѣсь тяжело, я и-все знаю... Ты прямо живешь черезъ силу. Дай срокъ. Дай время. Матвѣй Мартынычъ разбогатѣетъ. Если со свинушками мѣшать будутъ, эти разные совѣты и коммунисты, Матвѣй Мартынычъ найдетъ... Онъ къ себѣ уѣдетъ, въ свободную Латвію, что надо распродастъ и тамъ свое дѣло откроетъ. Онъ будетъ богатъ. Онъ тебя не забудетъ, Анночка, ты такая молодая и красивая...

— Мнѣ никогда Аркадій не говорилъ, что я красивая. Онъ меня просто любилъ.

— Онъ не говорилъ — его дѣло. А я говорю.

— Я была съ нимъ счастлива, ты понимаешь, медвѣжатина?

Все не снимая своей шубы, Анна присѣла на край закрома.

— У меня въ столѣ лежитъ бумага Тульской консисторіи. Насъ должны ужъ были повѣнчать — разводъ кончился. Ну, вотъ онъ умеръ, я опять у васъ... что это значитъ?

Глаза ея имѣли смутное, невѣрное выраженіе. Матвѣй Мартынычъ подошелъ и припалъ къ ней.

— Анночка, не грусти...

— Онъ со мной постоянно. Почему я не могла съ нимъ жить? Гдѣ онъ сейчасъ? Куда онъ дѣлся? Знаешь, его

и нѣтъ, и онъ и есть... А ты что? Ты ко мнѣ привалился, тебѣ такъ теплѣе?

Анна вдругъ сняла его ушастую шапку и стала гладить рукой по его волосамъ.

— Ты меня любишь? И такую шубу подарить обѣщалъ... Руки цѣлуешь, грудь цѣлуешь... ахъ ты, медвѣжатина. Отъ тебя тепло, ты хорошій пёсъ, шерстистый.

Матвѣй Мартынычъ сталъ задыхаться.

— Захотѣлъ меня ласкать...

Анна поднялась, потянулась. Легкая судорога прошла по ея сильному тѣлу. Она прижала къ себѣ Матвѣя Мартыныча, потомъ легко и равнодушно оттолкнула.

— Анночка...

— Давай вещи собирать, сурово сказала она. — Чего разнѣжился?

И снявъ съ себя шубу, тщательно стала укладывать ее обратно въ сундукъ.

— Ну какъ, Марточка, какъ и-съѣздила? спросилъ Матвѣй Мартынычъ.

— Ничего. А ты что дѣлалъ?

— Такъ, того другого по хозяйству... Вотъ мы съ Анночкой немѣшаевски вещи перебрали...

Марта взглянула на него внимательно. Онъ отвелъ глаза, поспѣшно продолжалъ:

— Мы сундучекъ внизъ поставили, у подвалъ... Какъ тамъ посуше, то мы и поставили. Да, ты знаешь, Марточка, жмыха у насъ маловато тамъ... и прямо маловато.

Разговоръ этотъ происходилъ на дворѣ, когда Мат-

вѣй Мартынычъ отпрягалъ лошадь. Вотъ онъ снялъ съ нея хомутъ, шлею, накинулъ обратку и повелъ въ стойло. Марта не отходила отъ саней. Потомъ пошла въ кухню и черезъ нѣсколько минутъ вышла съ ключами и зажженнымъ фонаремъ. Облака тьмы уже сгущались. Она встрѣтила Матвѣя Мартыныча около подвала.

— Ты куда?

— Пойдемъ, поглядимъ, сколько жмыха.

— Я-же вѣдь и-сказалъ, что мало. Мнѣ придется опять въ Гавриково ѣхать.

— Пойдемъ. Я хочу посмотрѣть, какъ вы тамъ сундукъ убрали.

Звукъ ея голоса показался Матвѣю Мартынычу страннымъ.

— Да что убрали... такъ и поставили.

Но Марта, держа передъ собою фонарь, уже спускалась по лѣсенкѣ. Тогда и онъ за ней направился.

— Я сегодня у докторши Похлёбкина видѣла, сказала Марта, когда они спустились. — Онъ прямо говоритъ: никакой нѣтъ возможности васъ отстоять. Какъ вамъ угодно, а на-дняхъ нагрянемъ, и чтобы свинуховъ вашихъ ни слуху, ни духу.

— Такъ прямо и сказалъ...

— Такъ и сказалъ.

Матвѣй Мартынычъ помялся.

— Значить, опять надо у-городъ ѣхать, ну, ужъ теперь къ Ивану Кузьмичу, долларовъ съ собой заберу, что тутъ подѣлаешь...

— Жизнь проклятая, сказала Марта. — Для чего старались? Только болѣзнь себѣ нажила, за свиньями за этими... Вещи! Ну гдѣ-же тутъ вещи оставлять? Надо еще

куда прятать. Сюда, понятно, съ обыскомъ въ первую голову придутъ...

Подойдя къ сундуку, Марта остановилась. На земляномъ полу, нѣсколько вытоптанномъ въ этомъ мѣстѣ, валялся носовой платокъ. Марта нагнулась и подняла его. Она вдругъ поблѣднѣла.

— Это Аннинъ платокъ.

Матвѣй Мартынычъ какъ-то невѣрно двинулся.

— Должно быть, что и обронила Анночка...

Марта опять нагнулась, стала фонаремъ освѣщать полъ.

— Вы тутъ сидѣли... вы тутъ вдвоемъ сидѣли, сказала она глухо. — Что вы...

Матвѣй Мартынычъ встрепенулся. Виноватые глаза, перебѣгавшіе со свеклы къ жмыху, рѣшили дѣло. Лицо Марты мелко задрожало.

— Я больная, мнѣ, можетъ, операцію будутъ дѣлать...

— Марточка, да что ты... Ну мы просто тутъ присѣли, потому что были отъ сундука уставши.

Марта поднесла фонарь къ носу мужа, еще разъ увидѣла его презрѣнные, какъ ей казалось, глаза совсѣмъ вблизи — и плюнула ему прямо въ лицо.

Матвѣй Мартынычъ охнулъ и откинулся назадъ.

ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Было около пяти. Дымно-сырой день, снѣжинки слегка перепархивали. Близилась свинцовая синева сумерекъ. Анна лежала у себя на постели. Въ бѣловатой мглѣ комнатки съ лѣвой стороны окно струило послѣднія дыханія дня. Въ ихъ смутности, млечномъ туманѣ можно было еще разсмотрѣть справа, надъ кроватью, фотографію человѣка съ длинными усами, еще можно было прочесть загробныя слова: «Аннѣ, на вѣчную память». Но вотъ вотъ все это будетъ замыто ночью.

Оцѣпенѣніе владѣло всѣ эти дни Анной. Она даже меньше работала. И сейчасъ — вовсе не въ урочный часъ лежала въ своей комнаткѣ. Она безсмысленно смотрѣла въ окно. Тамъ виднѣлись верхушки яблонь да снѣгъ, дорога вдоль сада, по ней уѣхалъ Матвѣй Мартынычъ въ городъ, за жмыхами и въ послѣдней попыткѣ отстоять свое добро. А сейчасъ кто-то ѣдетъ сюда. Гдѣ теперь Матвѣй Мартынычъ? Вѣрно, разглагольствуетъ гдѣ нибудь въ городѣ, доказываетъ. Можетъ, чаёкъ тянетъ съ блюдечка. Вспомнивъ подвалъ, Анна слегка потянулась, такъ что скрипнула даже постель. Потомъ легкая улыбка про-

шла по ея лицу. «Медвѣжатина... неужели и такихъ любятъ?» Но она помнила его объятіе, и въ улыбкѣ ея была и насмѣшка, и сочувствіе. Душевно ей было все равно. Ея повелитель, со своими длинными усами, начиналъ уже тонуть на стѣнѣ въ сумеркахъ. Но въ темной глубинѣ тѣла былъ и теплый отвѣтъ. «Дрянь я передъ Мартою, или не дрянь?» подумала она. «Вѣдь не я-же къ нему лѣзу... да и что мнѣ въ немъ!» Но ей все-таки нравилось, вѣчнымъ, неистребимымъ чувствомъ женщины, что она имъ владѣетъ.

Внизу заскрипѣли сани. Видимо, ѣхавшій по дорогѣ оказался у нихъ. Дверь хлопнула, мужской голосъ говорилъ что-то Мартѣ. Словъ Анна разслышать не могла. Но по тону чувствовала, что хорошаго тутъ мало. Марта въ послѣднее время почти съ ней не разговаривала, такъ что спускаться не хотѣлось. И Анна продолжала лежать. Она уже перестала думать о Мартѣ, Матвѣѣ Мартынычѣ. Открывала глаза, иногда вновь закрывала ихъ. Разница между міромъ этимъ и тѣмъ становилась все меньше — лишь бѣлесое пятно окна давало о себѣ знать. При закрытыхъ-же глазахъ золотыя точки наполняли темный фонъ, плыли въ немъ. Иногда появлялись рожи. Или вдругъ разрывался свѣтлый снопъ. Эти снопы казались Аннѣ обликомъ смерти. Она считала, что именно такова и должна быть смерть: р-разъ, взорвется, и дальше... что? Этого никогда, за всю свою жизнь, понять она не могла. Не понимала и теперь. Но ее влекло къ этому грозному міру. Такъ и сейчасъ. Подъ темноту, подъ говоръ снизу залетала она въ него.

Опять хлопнула дверь, заскрипѣли сани. «Не хочу я ничего дѣлать; лежу, не двинусь», думала Анна. И не знала

сама, почему такъ думаетъ. Но было крѣпко ощущенie того, что происходитъ нѣчто необычное.

— Анна! крикнула снизу Марта.

— Я.

— Ты что тамъ дѣлаешь?

— Ничего.

Нѣкоторое время Марта молчала. Слышно было какъ Мартынъ подхлёстываетъ кнутомъ своихъ дѣтскихъ лошадокъ. Потомъ Марта поднялась по лѣсенкѣ. Она остановилась на порогѣ. Страннымъ образомъ, Анна довольно ясно видѣла худую, сухую фигуру. Всегдашнiй холодокъ прошелъ у нея по сердцу.

— Былъ Гаврюшка изъ Серебрянаго. Прiѣхали изъ города, нынче въ Серебряномъ ночуютъ, а завтра утромъ къ намъ, и всѣхъ свиней заберутъ. Такъ Похлёбкинъ велѣлъ передать.

Анна приподнялась и свѣсила ноги.

— Что-же теперь?

Марта крѣпко держалась за рукоятку двери.

— Не отдамъ я свиней...

— Прiѣдутъ, сумрачно сказала Анна, такъ отдашь.

— Не отдамъ.

— Что-же ты будешь дѣлать?

— Всѣхъ зарѣжу, не отдамъ.

Анна молчала.

— Ты тутъ валяешься, лодырничаешь, ты вмѣсто чтобы по подваламъ шляться... — Марта задохнулась — лучше-бы мнѣ подмогла.

Она протянула руку къ комоду, нашла спички и чиркнула. Руки ея были непокойны, когда она зажигала свѣчку.

Ея лицо поразило Анну. Теперь, при свѣтѣ, оно какъ-бы отдавало все, что скопилось въ худомъ тѣлѣ съ большою грудью за мрачные дни, тревожныя ночи. Увидѣвъ маніакальный блескъ ея глазъ, Анна тоже ощутила нервный токъ, волною пробѣжавшій по ней. «Зарѣжетъ, да, непремѣнно зарѣжетъ».

— Мы съ Матвѣемъ столько работали, наживали... не такая буду дура отдавать.

— Куда-же ты ихъ дѣнешь? спросила Анна.

Марта молча подошла къ окну, открыла форточку и высунула руку. На ладони ея стали таять снѣжинки.

— Что смогу, свѣтомъ увезу въ городъ. Остальное пока въ ложочкѣ зароемъ, въ снѣгу... Слѣды замететъ.

Анна совсѣмъ встала, выпрямилась. Ей было глубоко безразлично хозяйство, богатство, свиньи. Но сейчасъ она не могла лежать. Туманная сила, точно зажженная кѣмъ-то, подымалась въ ней.

— Что-жъ, сказала она. — Такъ и такъ. Тогда ждать нечего.

— Они сейчасъ не пріѣдутъ, тамъ, въ Серебряномъ, ревизія. А потомъ ихъ напоятъ, самогона у Похлёбкина достаточно. Мы управимся.

— Понятно.

Анна глубоко вздохнула, взяла съ комода коробочку съ булавками, поиграла ею и опять поставила. Марта спустилась внизъ. Анна нѣкоторое время безсмысленно глядѣла на пламя свѣчи, потомъ быстро задула его и направилась за Мартой, крѣпкой, тяжеловатою походкой — лѣстница заскрипѣла.

А черезъ полчаса она съ Мартой уже направлялась къ закутамъ. Марта несла фонарикъ. Онъ бросалъ впередъ

тусклое пятно свѣта, въ которомъ безпрерывно летѣли снѣжинки. Этотъ снѣгъ ложился холодными прикосновеньями на руки, лобъ, осѣдалъ пухомъ на рѣсницахъ. Онъ заваливалъ міръ своей беззвучной пухлостью.

Ножъ былъ у Марты. Анна зажгла еще фонарь.

— Безъ мужчины трудно, сказала Марта.

— Ничего, управимся.

Каждую свинью, дико визжавшую, приходилось связывать и выволакивать въ особую закутку, гдѣ стояла лампа. Полъ густо устлали соломой. Анна чувствовала въ себѣ страшную силу. Марта молчала. Молча, точной и твердой рукой перерѣзала горла свиньѣ за свиньей. Анна ихъ потрошила. Въ перерывахъ вытаскивали солому, напитанную кровью, жгли ее въ печкѣ, и клали свѣжую, чтобы меньше оставалось слѣдовъ. Убирали и потроха. Палить туши было уже некогда. Анна взваливала ихъ на салазки — и однѣ везла къ розвальнямъ, нарочно вывезеннымъ изъ сарая, складывала ихъ тамъ. Другія — въ сугробное мѣсто у канавы сада. Тутъ поразрыли онѣ съ Мартой яму, недалеко отъ дороги, и туда легло четыре туши. Прикрыла ихъ пятая, Люція. Сваливъ ее туда, Анна лопатой засыпала яму. Снѣгъ продолжалъ идти.

Она чувствовала то напряженіе, когда жить можно только двигаясь. Она могла-бы свезти на этихъ салазкахъ, вдоль этого сада, гдѣ сиживала съ Аркадіемъ, еще десять тушъ. Все сейчасъ было укрыто тьмой. Гудѣли деревья, свѣтился огонекъ на хуторѣ. Не увидишь ни Серебрянаго, ни мирныхъ нивъ, ни милаго кургана. Анна подняла голову. Лицо ея запотѣло. Снѣгъ воздушно-хладнымъ касаніемъ осѣдалъ на немъ, таялъ. Ничего не было видно въ безпробудной тьмѣ. Она могла говорить что угодно,

какъ угодно. Лишь Господь, можетъ быть, преклонилъ-бы къ ней ухо.

Она взялась вновь за салазки, повезла ихъ домой. «Мнѣ недолго работать», прошло въ ея головѣ. «Скоро я отдохну».

Въ закутѣ сидѣла Марта. Передъ ней на столикѣ стоялъ штофъ водки ,лежалъ кусокъ чернаго хлѣба съ солью. Ножъ лежалъ у стѣны. На соломѣ около него кровавое пятно.

— Выпей, сказала Марта. — Мы однѣ. Я устала. Я очень разволнована.

Она сказала это со странною усмѣшкой, и протянула Аннѣ стаканъ. Глаза ея были подернуты мутью. Руки въ крови — она наскоро обтерла ихъ.

— Я-бы хотѣла, продолжала Марта все съ тою-же нервною усмѣшкой: чтобы здѣсь былъ Матвѣй Мартынычъ...

Анна выпила. Марта не спускала съ нея глазъ. Она уже захмелѣла, языкъ не вполнѣ ей подчинялся.

— Онъ сильный, это хорошо... Мужчина долженъ сильный быть.

Она прибавила грубое слово.

— Анка, я тебя знаю. Мало-ли что твой померъ... ты не такая, тебѣ другой нуженъ.

Анна налила себѣ еще водки. Марта вдругъ нѣсколько наклонилась къ ней, дыхнула спиртомъ.

— Только если ты у меня подъ бокомъ Матвѣя подобрать вздумаешь, я ни на что не посмотрю.

Марта вдругъ измѣнилась. Лицо ея приняло осмысленно-свирѣпое выраженіе.

Она протянула руку къ ножу.

Анна поставила стаканъ на столъ.

— Не боюсь я тебя. Убирайся. Мнѣ и Матвѣй твой ни на что не нуженъ.

— А что вы въ подвалѣ дѣлали? Почему твой платокъ тамъ валялся?

— Ничего не дѣлали, холодно сказала Анна. — Ты эти глупости брось. Я не маленькая.

— Не маленькая...

Марта смотрѣла на нее пристально. Правду она говоритъ, или нѣтъ? А-а, всѣ они умѣютъ врать, мужчины, женщины... Все-таки продолжать Марта не рѣшилась. Онѣ замолчали. Анна съѣла кусокъ хлѣба съ солью. Ей казалось, что онъ пахнетъ кровью. Она рѣзко встала.

— Кончать такъ кончать.

Борова и свинью, а также поросятъ оставили, это все, что имѣли право оставить. Еще двухъ свиней Анна зарѣзала собственноручно — Марта ослабѣла. Эти туши сложили прямо въ розвальни, накрыли дерюгой. Все время шелъ снѣгъ. Все время ходили по двору съ фонаремъ. Пѣтухи глухо кричали.

Анна не могла-бы сказать, изъ-за чего собственно кипѣла. Но ей страстно хотѣлось все такъ сдѣлать, чтобы завтра, когда пріѣдутъ совѣтскіе, ничего нельзя было-бы ни понять, ни найти. У Марты отъ напряженія и тасканія тяжестей начались боли — она ушла въ домъ. Анна осталась. Она согрѣла воды, тщательно замыла слѣды просочившейся сквозь солому крови, тщательно вылила порозовѣвшую воду въ помойку, засыпала полъ опилками, замыла брызги на стѣнахъ у двери. Уцѣлѣвшихъ свиней перевела въ одну закуту, а остальныя такъ вычистила и выскребла, точно тамъ никого и не было. Двери ихъ оставила настежь, чтобы продуло свѣжимъ воздухомъ.

За этими трудами застало ее утро. Оно упорно выкарабкивалось изъ аспидно-свинцоваго мрака. Въ его бѣлесости пожелтѣлъ ночной фонарикъ. Анна пошла въ кухню, долго мыла теплой водой руки, сняла передникъ и перемѣнила платье. Но руки скоро снова выпачкала, запрягая лошадь Мартѣ. Впрочемъ, теперь отъ нихъ пахло лошадью, ремнями шлеи, запахами мира и безобидности. Марту она съ трудомъ подняла. Закрывъ туши сѣномъ, усадивъ ее сверху, во время спровадила въ городъ.

⁂

Маленькій Мартынъ не обращалъ вниманія ни на что. Былъ-ли отецъ въ городѣ, уѣхала-ли мать, какъ провела ночь Анна, для него не имѣло значенія. Въ мірѣ, кажущемся намъ огромнымъ, у него существовалъ счастливый уголъ. Деревянныя лошадки, взводъ солдатъ, пушка, кубики, изъ которыхъ выходили преинтересныя штуки: что могло съ этимъ сравниться? И когда на вопросъ, гдѣ мама? Анна отвѣтила, что скоро вернется, онъ не огорчился и не возражалъ. Выпивъ, какъ обычно, чашку чаю съ сахаромъ и густыми сливками, разставилъ на полу свою армію.

Анна-же почувствовала необыкновенную усталость. Вотъ теперь она беззащитна! Не только ничего не можетъ дѣлать, просто двинуться трудно, подняться наверхъ. Ахъ, какъ она разбита! Тѣло ломитъ, въ головѣ тьма. Фонарь, визгъ свиней, кровь... «Навѣрно, сейчасъ пріѣдутъ изъ Серебрянаго». Изъ оконъ ложился бѣлый и безсмертный отсвѣтъ снѣга. «Все занесло, теперь покойно, имъ удобно будетъ ѣхать». Хорошо въ этомъ снѣгѣ лежать.

Она прилегла на диванчикѣ. «Кажется, у меня и сейчасъ руки кровью пахнутъ» — Анна поднесла ладонь къ носу. Нѣтъ, пахло просто мыломъ.

— «Хоть бы во снѣ Аркадія увидѣть»... Она закрыла глаза и блаженно улыбнулась. Слеза остановилась подъ рѣсницами.

Маленькій Мартынъ открылъ огонь изъ пушки. Солдаты его падали.

ВСТРѢЧА

— Марточка, сказалъ Матвѣй Мартынычъ: ты знаешь, мнѣ все что-то холодно, и руки у меня невеселыя... Я на себя смотрю, и я думаю: эхъ, Матвѣй Мартынычъ, должно быть, ты нездоровъ. Не простудился-ли ты, Матвѣй Мартынычъ?

Марта взяла его за руку и посмотрѣла прямо въ глаза.

— Конечно, боленъ. Нечего и говорить.

— Я такъ и подумалъ, когда мы съ тобой изъ города возвращамшись и обозъ обгонямши я выскочилъ изъ саней, по снѣгу распахнутый бѣжалъ, то и распарился. Значить, меня обдуло...

— Вотъ и ложись. А я всю ту ночь распарившись была, свиныя туши таскала, и ничего.

Матвѣй Мартынычъ сѣлъ на постель, снялъ свою куртку. Ему пріятно было, что вотъ у него жена, сейчасъ она уложитъ его, укроетъ, и онъ согрѣется.

— Конечное дѣло, вы тогда съ Анночкой молодцомъ работали, это что говорить. Такъ что энти сволоча ни съ чѣмъ остались. А все-жъ таки свинушекъ жаль.

Марта сняла съ гвоздя тулупъ и укрыла имъ мужа.

— Какъ не жаль! Ну да хоть что-нибудь за нихъ выручили. А то совсѣмъ зря-бы пропали.

— Доллара у Матвѣя Мартыныча труднѣе отобрать, чѣмъ свинушекъ.

Марта дала ему горячаго чаю. Выпилъ онъ съ удовольствіемъ, и укрывшись по самый носъ, опустился въ туманную дремоту.

Нельзя сказать, чтобъ эти дни послѣ истребленія своего хозяйства онъ чувствовалъ себя особенно радостно — напротивъ. Но сейчасъ въ увлажненномъ теплотой и покоемъ его мозгу представлялись пріятныя картины: распродавъ здѣсь все подъ шумокъ, онъ съ Мартою и Анной переѣзжаетъ границу. Доллары можно запрятать, или-же въ Москвѣ обмѣнять на бриллiантики. Такъ или иначе — кое какое добро съ собой вывезешь. Граница, Латвія... Тамъ ужъ никто не тронетъ. Опять свинокъ заведемъ, да тамъ и скорѣе можно Анночку устроить. Когда дѣло доходило до «Анночки», Матвѣй Мартынычъ вполнѣ умягчался, хотя въ его сердцѣ и являлись противорѣчивыя чувства: здравый смыслъ говорилъ, что ее просто надо выдать замужъ, но этого не хотѣлось. Хорошо бы — Марта Мартой, но и Анночка вотъ пришла-бы, и положила бъ руку на его горячій лобъ. «Анночка любила своего усатаго, но теперь его нѣтъ, и Матвѣю Мартынычу нечего мучиться... Матвѣй Мартынычъ самъ не хуже Аркадія Ивановича». И подъ вліяніемъ-ли лихорадки, или отъ тепла и всегдашняго ощущенія своей значительности, Матвѣй Мартынычъ мечталъ объ Аннѣ мажорно. Долго страдать отъ нераздѣленной любви онъ не могъ. Все должно было повернуться въ его пользу, не могло не повернуться.. Если-бы его всерьезъ спросили, можетъ-ли онъ, тяжело за-

болѣвъ, умереть, онъ отвергъ-бы такой случай. Матвѣй Мартынычъ долженъ всегда жить, всегда быть бодрымъ и счастливымъ.

Теперь онъ былъ увѣренъ, что пропотѣвъ, выспавшись, на другой день уже встанетъ. Но — ошибся. Гриппъ его оказался довольно сильнымъ. Онъ не всталъ ни на слѣдующій, ни на еще слѣдующій день. Пришлось даже съѣздить за Марьей Михайловной. Она нашла у него осложненіе съ сердцемъ. Сердце сильное, опасности нѣтъ, но надо лежать — въ общемъ дѣло довольно длинное.

Передъ отъѣздомъ Марья Михайловна поднялась наверхъ къ Аннѣ. Анна лежала на постели.

— Вы тоже больны? спросила Марья Михайловна, распространяя свой обычный запахъ свѣжести и больницы. — Почему вы лежите?

— Нѣтъ, я здорова, отвѣтила Анна.

— Такъ что-же?

Анна молча посмотрѣла на нее. Взглядъ ея былъ диковатъ и пустъ. «Какое странное выраженіе глазъ», подумала Марья Михайловна. «Что съ нею?»

— Теперь у насъ меньше работы, вы знаете... я не такъ занята по хозяйству.

Голосъ ея показался Марьѣ Михайловнѣ хуже обычнаго.

— И вы ничего не дѣлаете?

— Работаю, конечно... но довольно много лежу здѣсь.

— Вижу, вижу.

Марья Михайловна покачала головой. Все это не нравилось ей.

— Наживете себѣ такъ настоящую неврастенію.

Анна внимательно на нее посмотрѣла, не сразу отвѣтила.

— Я совершенно здорова. Я только много молчу. Я теперь очень сильная.

«Странная дѣвушка», думала Марья Михайловна, уѣзжая. — «Всегда мнѣ казалась со странностями, а теперь, послѣ этой смерти, все на одномъ сосредоточилось»...

Около двухъ Анна спустилась внизъ. Матвѣй Мартынычъ лежалъ въ дремотѣ. Маленькій Мартынъ игралъ въ свои игрушки. Бѣлесый отсвѣтъ снѣга лежалъ на всемъ въ комнатахъ. Аннѣ показалось, что она легче, лучше чувствуетъ себя. Марты не было.

— Ну, какъ? спросила она Матвѣя Мартыныча. — Скоро и на улицу?

— Скоро, Анночка, скоро.

Анна остановилась, хотѣла-было подойти къ нему, но раздумала и вышла во дворъ. Мелкій снѣжокъ чуть вѣялся съ неба, и въ мягкомъ, отливающемъ свѣтомъ, слегка сквозь облака золотящемся небѣ было уже начало весны. Дворъ, постройки, деревья, все показалось Аннѣ удивительно пустыннымъ. Она прошлась. У ней явилось ощущеніе, будто впервые она вышла послѣ тяжкой болѣзни. Міръ былъ прекрасенъ, безпредѣльно далекъ. Анна прошла въ яблоневый садъ, подняла глаза кверху. Въ небѣ сквозь туманныя облака недвижно бѣжало страшное въ безмѣрности своей дали солнце, солнце точно бы иного міра.

Анна сказала вслухъ:

— Аркадій!

Мелкое эхо въ лощинкѣ подало:

— Аркадій.

Анна повторила. Эхо еще отвѣтило.

Можетъ быть, она сказала-бы: «Я хочу къ тебѣ, Аркадій. Я хочу, Аркадій» — этимъ всѣмъ была полна Анна, но ничего не сказала, молча, въ ужасѣ повернула назадъ, она безъ всякаго чувства выздоровленія, въ глубокой тоскѣ приблизилась къ дому какъ разъ въ минуту, когда Марта вошла въ сѣни, и когда за подваломъ съ цинковою крышей показались розвальни. Анна увидѣла ихъ. Мгновеннымъ взоромъ успѣла разобрать и Трушку въ мѣховой теплой курткѣ.

— Пріѣхали, глухо сказала она Мартѣ, затворивъ дверь на щеколду.

— Кто такіе?

— Трушка, извѣстный... развѣ не знаешь?.. И съ нимъ двое.

Матвѣй Мартынычъ завозился въ своей комнатѣ. Онъ былъ очень слабъ.

— Кто тамъ пріѣхалъ... Анночка, чего ты?

Анна вошла къ нему въ комнату.

— Гдѣ кольтъ?

— Зачѣмъ тебѣ...

Анна оглянулась, рѣшительно отодвинула верхній ящикъ комода.

— Трушка зря не ѣздитъ. Знаешь его.

И положивъ тяжелый кольтъ въ карманъ полушубка, дуломъ внизъ, направилась къ выходу.

— Я съ нимъ сама поговорю.

Трушка шелъ на своихъ крѣпкихъ, нѣсколько кривыхъ ногахъ къ дому Матвѣя Мартыныча. Двое другихъ нето-

ропливо привязывали лошадь. Трушка зналъ, что Матвѣй Мартыньгчъ успѣлъ сбыть свиней, что вообще онъ все распродаетъ, у него есть деньги, что сейчасъ онъ нездоровъ. Трушка былъ вполнѣ спокоенъ. Онъ считалъ, что сюда можно было-бъ ѣхать и одному. Поэтому не сталъ ждать сотоварищей.

Онъ не удивился, когда навстрѣчу ему вышла молодая дѣвушка въ полушубкѣ. Трушка тотчасъ узналъ въ ней ту, кого въ морозную лунную ночь встрѣтилъ у березъ машистовскаго сада. Онъ былъ настроенъ почти даже дружелюбно. Правда, въ карманѣ его мѣховой куртки лежалъ браунингъ. Но онъ не взялся за него, а по привычкѣ громко сказалъ слова, столько разъ оказывавшія изумительное свое дѣйствіе:

— Руки вверхъ!

И только что произнесъ, по лицу и темнымъ глазамъ встрѣченной почувствовалъ, что все не такъ. Онъ не успѣлъ даже додумать, что не такъ, какъ прямо въ лицо ему блеснулъ огонь. Тяжелый, длинный ударъ охлестнулъ его. Онъ схватился за животъ, упалъ прямо на снѣгъ.

— Къ Аркадію за этимъ шелъ, и къ намъ...

Анна держала кольтъ дуломъ внизъ. Глаза ея блестѣли. Она тяжело дышала, не могла двинуться. Въ пяти шагахъ ничкомъ бился на снѣгу Трушка. Ему все хотѣлось вытащить изъ кармана браунингъ, но боль, слабость, смертная тошнота заливали — топчась головою въ снѣгъ, судорожно хватаясь руками за землю, описывалъ онъ по снѣгу полукругъ.

***

— Марточка, стрѣляютъ!

Матвѣй Мартынычъ въ одномъ бѣльѣ соскочилъ съ кровати.

— Лежи, куда ты...

Марта съ двустволкою стояла въ столовой. Матвѣй Мартынычъ подскочилъ къ окну.

— Одинъ на снѣгу, Анночка сюда бѣжитъ, за нею еще двое...

Раздались снова выстрѣлы. Въ дверь постучали.

— Отоприте! крикнулъ голосъ Анны.

Матвѣй Мартынычъ кинулся къ двери. Но его охватили руки Марты. Будь Матвѣй Мартынычъ здоровъ! Но сейчасъ голова у него закружилась, комната повернулась на оси. Марта безъ труда кинула его обратно на постель.

— Марточка, они убьютъ ее!

Онъ увидѣлъ надъ собой зеленые, бѣшеные глаза Марты.

Въ дверь снова застучали.

— Дядя!

Марта навалилась на него всѣмъ тѣломъ. Снаружи раздались выстрѣлы, тяжкій стонъ Анны.

МАЙ

Вѣтеръ и холода первыхъ дней обдули цвѣтущій садъ. Бѣлые лепестки плавали въ лужицахъ, земля влажна, дымится подъ солнцемъ. Травка совсѣмъ хорошо зазеленѣла, удивительно сочны золотые одуванчики съ молочнымъ сокомъ въ стебляхъ. Дрозды скачутъ въ саду Матвѣя Мартыныча. Но уже на столѣ у него нѣтъ бланковъ: «Экономія Матвѣя Гайлиса». Нѣтъ ни свиней, ни даже коровы. Хлѣвы давно заперты, на дверяхъ цинковаго подвала замокъ.

Посреди двора телѣга. На ней сидитъ Леночка. Матвѣй Мартыновичъ съ Костей тащатъ черезъ дворъ сундукъ. Раскачнувши, вскидываютъ на телѣгу. Матвѣй Мартынычъ отираетъ потъ съ лица.

— Ну вотъ и вещички Марьи Гавриловны... вотъ и вещички. Матвѣй Мартынычъ все сберегъ. Мало-бы чего зимой не было, онъ все сохранилъ. Такъ мамашѣ и скажите. Да . . . и какъ слышно, то и вы сами, и мамаша изъ этихъ краевъ трогаетесь?

Леночка побалтываетъ ногами.

— Костя мѣсто въ Москвѣ получилъ. Я тоже надѣюсь. Да, Матвѣй Мартынычъ, мы уѣзжаемъ. Вы вѣдь тоже?

— Мы тоже, тоже... Нѣтъ, Матвѣй Мартынычъ больше здѣсь не останется. Что тутъ хорошаго для Матвѣя Мартыныча? А вы думаете, онъ у Латвіи пропадетъ? Никогда не пропадетъ Гайлисъ у Латвіи, онъ тамъ свинокъ еще больше разведетъ, онъ будетъ богатый.

Матвѣй Мартынычъ умолкаетъ. Свѣтъ милаго солнца блеститъ въ его вспотѣвшемъ лбу. Поютъ птицы, нѣжны облачка въ синевѣ, надъ полями въ сторону Машистова стеклянное струеніе.

— Матвѣй Мартынычъ былъ тогда нездоровъ. Очень отъ лихорадки ослабши. Онъ бы Анночки такъ не отдалъ.

— Да, говоритъ Леночка: какой ужасъ!

Слова ея грозны, но каріе глаза полны веселья, свѣта. Ея сердце не въ могилѣ Анны, а въ благоуханномъ свѣтѣ мая. Матвѣй Мартынычъ-же сошелъ подъ землю. Минуту продолжается безмолвіе. Оно полно страшныхъ видѣній. Потомъ жизнь возвращается. И какъ здоровались, такъ-же прощаются. Телѣга уѣзжаетъ. Матвѣй Мартынычъ медленно идетъ домой. Можетъ быть, Анна присутствуетъ? Можетъ быть, вмѣстѣ присутствуютъ они съ Аркадіемъ, въ объятіи загробномъ?

Изъ всего прежняго въ Мартыновкѣ одинъ лишь маленькій Мартынъ все тотъ-же: онъ играетъ вновь въ свои игрушки, созидаетъ, разрушаетъ созданное, для него все равно, играть-ли здѣсь, или въ Москвѣ, или въ далекой Латвіи. Онъ знаетъ еще только жизнь.

12 янв. 1929.